

Вечеслав Хватов

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ОККУПАЦИЯ

18+

Вячеслав Вячеславович Хватов

Третья мировая война. Оккупация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67257233

SelfPub; 2023

Аннотация

Им некуда больше бежать. От автора: Книга "Оккупация" – вторая из 4-х из серии "WW-III". Написана первая "Вторжение". В планах 3. "Освобождение" и 4. "Возмездие." Но сама по себе "Оккупация" – пишется, как вполне законченное, отдельное произведение с логичным завершенным повествованием. В книге есть все для любителей боевой фантастики. И атмосфера ужаса простого человека, попавшего в водоворот событий, и масштабные боевые действия и партизанская борьба зарождающегося подполья, и быт оккупантов и коллаборационистов. И еще: книга была начата до украинских событий 2014 года и в чем-то получилась пророческой, а в чем-то в ней сюжет движется по альтернативному сценарию. Содержит нецензурную брань.

Вячеслав Хватов

Третья мировая война. Оккупация

МИХАИЛ ГРИШИН

11.04.2027 г. Чувашская республика. Алатырский район.

Недалеко от села Борки

– Двадцатый прием ... Двадцатый прием... Двадцатый прием... Двадцатый прием.

– ...ат... вывел... Примерно сорок... еб...

– Двадцатый, я первый, прием.

– Левее твою мать, левее бери...

– Двадцатый прием. Глушат суки... ..мать!

– Первый. Я двадцать четвертый, прием.

– Двадцать четвертый, я первый.

– Первый, я двадцать четвертый, как слышишь? Прием.

– Двадцать четвертый слышу хорошо!

– ...еть ...можно... Фланги...

– Не понял, не понял! – ... где ты находишься, прием.

– Иду к переправе.

– Какого х... в рот... Туда понесло...

– Иду к переправе.

- Какой в жопу переправе? Борки проскочил?
- Двадцать четвертый, Иду к переправе.
- ...натяну ...ворачивай.
- Двадцать четвертый, я первый. Прием. – ...Ноль двадцатый... кто меня слышит? Двадцатый... кто меня слышит, прием?! Двадцатый... кто меня слышит, прием.
- Двадцать четвертый ... ышу вас.
- Двадцать четвертый. Где двадцатый, где капитан, мать вашу?
- Старший впереди: по-моему, подби...
- Не понял, повтори.
- Старший впереди. По-моему, подбит...
- Старший подбит...
- Я двадцатый, прием.
- Я двадцатый, прием.
- ...лонну блокировали духи...
- Где?
- Не понял. ...ите.
- Где блокировали?
- Южнее ... ла Борки...
- Вижу, вижу уже. Я тебе сейчас картинку с "птички" сброшу. Ждите, скоро подойдут вертушки.
- ...ка ведем бой!
- Отойди назад. Как понял? Отойди назад.
- ... моста зажали, зажали. Головной горит!
- ... ким х... туда поперлись? Жди вертушки. – Двадца-

тый... выхода нет ...жу вертушки...

– Сель отлаботал. Колобоски ехать лека. Духи сасем пльо-
хо

– Это кто?

– Ластоська сесть, ластоська сесть. Сель отлаботал. Запрос
база, новая сель?

– Ласточка шесть. По мехзаводу ...башь. Как понял? Бей
по мехзаводу.

– Пелвый. Ластоська сесь понял, Ластоська сесь, ластоська
семь, ластоська восемь ибашь мехзавод.

– Первый. Я двадцатый, прием.

– Двадцатый, я первый. – Идем по Комиссариатской... ти-
хо... частный сектор зачистили... без сопротивления. Впе-
реди работают вертушки.

– Ластоська сесть, ластоська сесть. Сель отлаботал. Иду
база.

– Двадцатый. Выходи к мехзаводу. Выходи к мехзаводу.
Как понял? Прием.

– Понял, понял. Двигаюсь к мехзаводу. Прием.

– Первый, это Калибр. Первый, ответь Калибру. Прием.

– Первый слушает. Калибр прием

– Калибр. Вышел на позицию. Квадрат десять. К работе
готов.

– Понял тебя Калибр. Работай.

– Не понял, не понял. Повторите. Прием.

– Калибр. Я первый. Понял тебя. Работай.

– Я Калибр. Понял. Работаю.

– Двадцатый, двадцатый, я первый. Прием. Двадцатый прием.... Двадцатый.

– ...ит ...от ...дар... пол...

– Двадцатый, я первый. Прием. – Ты где находишься?

– Повторите, не понял. Прием.

– Где находишься, мать твою? Прием.

– ...миссариатская и Пушкина. Прием.

– Стой там. Как понял? Стой там.

– Двадцатый. Понял. Понял вас

– Первый, я сто пятый. Я сто пятый. Прием.

– Слышу тебя, сто пятый. Прием.

– Сто пятый. Колонну построил, собрал. Начинаю выдвижение. Если что, прикройте! Как меня поняли, прием?

– Сто пятый, ты где находишься? Я тебя не вижу. Далеко от автовокзала? Далеко? Прием.

– При въезде в город, на блок-посту.

– Сколько?

– Я говорю: При въезде в город, на блок-посту. Как меня понял, прием!

– Ну, понял, понял... только в город дорог до х..., копать-колотить... До мехзавода километров примерно сколько?

– ... "нитка" втянулась на площадь Революции... ер... ало.

– Октябрьской революции? – Не понял. Прием.

- Называется Октябрьской революции. – Не знаю... кладбище... завод...
- Сто пятый. Карту загрузи, мать твою. Железка рядом?
- Понял. Загружаю.
- Сто пятый прием. Сто пятый прием.
- Сто пятый, первый прием. Железка рядом. Площадь Октябрьской революции. Как поняли. Прием.
- Понял тебя. Дуй по железке. У депо остановишься и выйдешь на связь. Как понял? Прием.
- Сто пятый. Первый, вас понял. Иду. Если что, прикройте Прием.
- Первый, я Гнездо, Первый, я гнездо. Мы потеряли еще одну "птичку". Осталась одна.
- Я сто пятый. Первый Прием. Вышел к депо. ...ярят из гранатометов из-за цистерн. Веду бой. Как поняли? Прием.
- Понял тебя. Пройти сможешь? К мехзаводу пройти сможешь?
- ...сивный... Сторон. Горит...
- Сто пятый, я первый. Прием. Молодец парень. К тебе в тыл заходят утюги. Как понял?
- Сколько, сколько?
- А я ...бу? Сигнал не устойчивый. Много.
- ... ля Леопар... Польские. Польские. У меня ...три танка. ... здой накроюсь. Вертушки давай.
- Сто пятый. Сто пятый, я первый. Сейчас будут "Грачи". Отойди за депо и держись. Как понял? Прием.

– Сто пятый. Понял. Жду.

– Двадцатый, я первый. Прием. Двадцатый, я первый.

Прием.

– На приеме.

– Выдвигайся к мехзаводу. Пока будешь действовать один по плану "Б". Как понял? Прием.

– Понял. Вас понял. План "Б".

– Я Перо семь. Я Перо семь. Наблюдаю нитку утюгов. Захватил цель. Работаю.

– Первый. Ответ двадцатому.

– На приеме.

– Вышел на точку. Пожара не наблюдаю. Завод цел. Как поняли. Пожара не наблюдаю.

– Как цел? ...ля... ярили?

– Первый. Прием. Повторяю, завод цел. Наблюдаю скрытое перемещение противника.

– Что там? Вообще дымы есть?

– Наблюдаю дымы западнее. Наблюдаю дымы западнее.

Горит ТЭЦ. Прием

– ...ный в рот. Китаезы ...банные. Работай ... мехзаводу осколочно-фугасными. Как понял? Прием.

– Понял. Приступаю. – ...ервый. Я сто пя... поляков ..ашили. Вышел к мехзаводу. Прием.

– Гнездо, я первый, Гнездо, я первый. Картинку давай.

– Работаем.

– Я тебе сейчас глаз на жопу натяну. Картинку давай.

– ..ременные... трудности.

– Сам сейчас полетишь.

– Сто пятый. Я двадцатый. Сдай назад. Сектор перекры-
ваешь.

– Сто пятый. Не понял. Не понял. Повтори.

– Отъедь назад говорю. Сдай назад. Я слева от тебя.

– Понял. Сейчас сдам...

– Рама один. Я Шило два. Прием. ...Отзовись.

– Слушаю вас!

– Телехент б... ..рава гранатометчика видишь, нет?

– Не вижу, нет! Все в дыму, ...ля!

– По земле, по земле ...уярь ... зажигалки есть? ...ервян-
ное все... Как понял, как понял, прием!?

– Понял, понял!

– Рама один. Я Шило два, прием! От тебя сзади, где-то на
восьмом этаже еще один. Поработай, поработай, а то меня
угробят! Я Шило два, прием.

– ...здарики им ...Все сделаем!

– ...Пониже, пониже! Вот сейчас ...нуло ...Там ... ле-
жат... не дают танкам выйти.

– Я Рама два. Прием. Чего стоим?

– Рама два, уйди с дороги, уйди с дороги.

– Рама два, я Рама один. Не понял. Прием.

– Рама два. Уйди, уйди с дороги! Уйди отсюда! Уйди! Уй-
ди ... уям. Не работай здесь, прием.

– Броня, Броня! Кто меня слышит? Вот эти два танка, ко-

торые ближе к Суворова стоят.

– Слышу!

– Слышите меня, да?

– Да!

– Вы это... дюка зае...

– Не понял!

– Пятиэтажку на Кутузова видишь?

– Вижу две. Две вижу.

– Которая ближняя. Ипани по пятому этажу. Третий подъезд. Там снайпер, сука. Подняться не дает. Понял?

– Третий подъезд откуда?

– Не понял.

– Третий подъезд слева или справа?

– Справа от тебя.

– Короче подсвети с винтаря. Я в твоей сетке. Теперь вижу. Ща мы ег...

– Первый, двадцатый. Что за "Крокодилы" по моим херачат? ... трехсотых... уже на заводе...

– Ласточка шесть, ласточка шесть. Я первый. Отставить огонь по заводу. Уходи ... бени матери на базу. Прием.

– Пелвый, я ластоська сесть. Поняль. Иду база матеи.

– Нас... обошли, нах..., сзади и... с этого дома... напротив – оттуда херачат... из дома!

– Спокойно. Работайте с разведротой, которая в сквере. Они к вам с юга подтягиваются.

– ... понял! Мы сейчас пускаем дымы, ... бались отстре-

ливаться... с лева от горящего дома.... по своим... ..улемета две коробки... Наблюдай дымы.

– ...сориентируйте.

–...долбят ... откатились. Какая будет моя дальнейшая задача, прием?

– Сейчас уточню!

Подключенный к тактической сети ноутбук стоял на ящике из-под снарядов, и из его динамиков вот уже седьмой час лилась эта симфония городского боя. До этого никакой связи вообще не было, но подошедший дивизион китайских аналогов "Смерча" WM-140, или Тип-140 обработала восточные окраины Кемли, где стояла НАТОвская глушилка, и стало полегче.

Тяжело было вот так сидеть в резерве и слушать, как твои там рубятся с духами.

Коалиционные войска в очередной раз откатились на запад, прикрывшись бандами "Северного Халифата", моджахеды которого прекрасно понимали, что будущего у них на этой земле нет, и поэтому упирались до последнего, превратив Алатырь в настоящий укрепрайон. Особенно высотки в микрорайоне «Стрелка».

Два дня артиллерия, минометы и штурмовая авиация ровняли его с землей. Поначалу авиация НАТО пыталась этому мешать, но потеряв несколько машин, успокоилась, и утром одиннадцатого апреля наша бронетехника форсировала Суру.

Сил у духов на весь город уже не хватало, и они закрепились в основном на мехзаводе и в девятиэтажках микрорайона «Западный».

Планировалось, что танковый и второй мотострелковый батальоны возьмут завод в клещи, а идущий за ними сводный добровольческий отряд имени Евгения Родионова должен был зачистить частный сектор, из которого, в общем-то, и состоял почти весь Алатырь, за исключением высотного квартала в центре, да микрорайонов "Стрелка" и "Западный". Последний и должен был брать наш свежий резервный батальон.

Пока висела сетка, добровольцы увязли в садах и полисадниках, и приотстали от обеих колонн. Боевики вряд ли бы стали распылять свои силы и закрепляться в простреливаемых насквозь деревянных домишках, но в этом еще предстояло убедиться, а среди добровольцев опытных бойцов было не так много.

Ситуацию усугубило еще то, что третий танковый батальон седьмой бригады Войска польского попытался зайти в тыл второму МСБ, чтобы отрезать его от остальных и уничтожить. Действовали поляки в связке с мобильным отрядом аварских гранатометчиков, который остановил наших возле депо, и если бы не "Грачи", второй МСБ был бы уничтожен.

Ко всему прочему, командир Отдельного артиллерийского дивизиона самоходных гаубиц решил, что он самый умный, и, как только восстановилась связь, отправил своего

дрона-корректировщика вместо мехзавода, к заводу "Электроавтомат", который "боги войны" и разобрали по кирпичикам.

В довершение всего, китайские вертолетчики, увидев трубы ТЭЦ перепутали ее с мехзаводом, и нанесли удар по главному корпусу теплоэлектростанции.

Вот в этот бардак нам и предстояло окунуться. Слава богу, духов таки выбили с мехзавода, а к тому времени, когда туда добрался наш третий МСБ, первая волна атакующих зачистила прилегающие к нему кварталы.

Вокруг сплошь сожженные и порушенные дома. Чудом уцелевшие смотрелись, как везунчики-бойцы, вышедшие из кровавой бани без единой царапины.

Срезанные осколками деревья, горы битого кирпича, кучи танковых орудийных и ковер из автоматных гильз, трупы боевиков – вот пейзаж, представший перед нами.

"Западный" встретил звенящей тишиной. Где-то там сзади ее крошила оружейная канонада. Это в горящих домах взрывались патроны из арсеналов боевиков. Изредка в эту трескотню вклинивались гулкие разрывы гранат и выстрелов от РПГ. А здесь только скрип оконных створок, сорванных с петель, нарушал натянутое струной безмолвие. Даже звуки дизелей утопали в черной вате теней между выстуженными домами.

Над головами застрекотал "Коршун". Он прошел над двенадцатиэтажкой, футбольным полем и гаражами, и, внезап-

но заложив вираж, выпустил ракету, расчертившую дымным шлейфом небо напололам и взорвавшуюся в утробе девятиэтажки напротив.

Тут-то все и началось.

Изо всех закоулков к нам поползли блуждающие мины, из ближнего переулка вылез робот-пулеметчик, кромсали воздух и тут же ломались о выпущенные нами дымы тонкие красные лезвия лазерных прицелов. Загорелась шедшая первой БМПэшка.

Значит, НАТОвцы оставили инструкторов и операторов. Тем хуже для них.

Мы были хорошей мишенью для поковылазивших из подвалов боевиков, но у нас было преимущество в живой силе, технике и боевой выучке.

Окруженная в "Западном" группировка Вахи Мирзоева, этого головореза, прошедшего лагеря подготовки в Турции и Азербайджане, дралась до последнего, но матерых бойцов в ней было голов сорок-пятьдесят. Остальные – неопытные, забитые юноши, пригнанные из глухих азербайджанских или дагестанских аулов или местные любители потанцевать лезгинку на головах зашуганных обывателей. То еще воинство. Тем более автомат они впервые увидели пару недель назад.

Стрелять из-за укрытия по маневрирующей цели и стрелять в воздух из пистолета из окон несущегося по шоссе "Паджеро" – две большие разницы.

Довольно таки быстро мы справились со своими механи-

ческими врагами. Клин клином вышибают, и несколько десятков блуждающих мин вместе с тремя роботами были уничтожены их китайскими аналогами.

Если бы здесь и сейчас присутствовал бы какой-нибудь отстраненный наблюдатель, он бы залюбовался, как сквозь дым и пыль, по изрытой воронками улице, среди остовов автомобилей, трупов, горящей бронетехники, поваленных деревьев, разрушенных заборов навстречу друг другу, словно спущенные с цепи волкодавы, ползут эти механические убийцы, чтобы на мгновение слиться в экстазе взрыва.

Наш сапер Коля со смешной фамилией Крабоедов, получая очередную партию таких мин, давал каждой из них собачью кличку. Над ним еще смеялись: – "Гляди, нагуляется твой Казбек и обратно прибежит."

На улицах Веселой, Листопадной и Рябиновой с духами тоже не очень долго возились. Неважно вооруженных и плохо обученных, их вытеснили часа за полтора в район улиц Труда и Энтузиастов, а вот уже там, в двух домах, нависающих над перекрестком, нас встретил их элитный отряд.

Эти явно решили принять здесь свой последний бой. К тому же, добровольцы, понесшие за последнее время немалые потери, боевиков в плен не брали, что усугубляло.

Очень выручил наш отечественный робот-антиснайпер "Щелкунчик". Убойная штука. И как это его разработчикам удалось протащить эту чумовую штуку сквозь орды "экспертов" из МО и генштаба, одно упоминание для которых об

российскости разработки было смертным приговором для любого проекта?

Машинка была неуязвима для живых снайперов противника, сообразительнее и быстрее их. Стоило духу только приблизиться к окну, блеснув окуляром, через секунду его башка разлеталась, как арбуз.

У американцев тоже такие были. Это сейчас их стало не хватать на весь театр военных действий, а еще месяца четыре назад снайперов в наших войсках называли камикадзе.

Откатившись назад, наш отряд дал возможность поработать китайскому РСЗО, артиллерии и авиации.

После того, как те превратили эти улицы в сплошные руины, вперед пошли танки. В бригаду их собирали с миру по нитке. Тут были и Т-72, и Т-80, и Т-90, и их китайские аналоги: Тип-96 и Тип-99. Но это не означало, что мы воевали, как в прошлом веке. Еще не так давно в городском бою танк был практически слеп, и командиру машины приходилось высовываться и корректировать огонь. Теперь же над броней, маневрирующей между дымящимися остовами домов, зависло несколько крошечных БПЛА "Блоха". Каждая из этих штук, похожих на игрушечный радиоуправляемый вертолет, подсвечивала несколько целей сразу для двух-трех танков, которые методично, одну за другой подавляли действующие и потенциальные огневые точки боевиков.

Чтобы не стать легкой мишенью для духов, применяли такую тактику: выбирали себе позицию, более-менее защи-

ценную с трех сторон, выпускали "блоху", выкатывались из-за дома или кучи обломков, делали два-три выстрела и отходили назад.

При этом броню всегда сопровождала небольшая мобильная группа мотострелков. А соседние переулки и уже зачищенные улицы патрулировались дозорами для того, чтобы гранатометчики противника не зашли танкам в тыл.

В штабе бригады внимательно следили за ходом боя, благо со связью больше проблем не было, но для пресечения контрудара все равно нужны были люди на месте.

С переходом от оборонительных боев к наступательным, наши войска поменяли тактику. Особенно это коснулось действий танковых подразделений в городских условиях. Если раньше броню в основном использовали либо, как подвижные огневые точки (заранее оборудовали несколько сменяемых позиций и укрытий от авиации противника), либо формировали достаточно крупные бронегруппы, для неожиданных контратакующих ударов по наступающим войскам коалиции. Во время последних, зачастую, на открытой местности, разыгрывались настоящие танковые дуэли.

Теперь же, когда наши войска, за счет притока добровольцев и плановой мобилизации, существенно пополнились живой силой, появилась возможность контролировать пехотой сектор наступления по всей ширине, а значит, полностью исключить те ситуации, когда броня оставалась без ее поддержки, прикрытия с флангов и нормальной доразведки. В горо-

дах это особенно важно.

В крупных, хорошо укрепленных населенных пунктах воевали небольшими, подвижными бронегруппами, состоящими из двух-трех танков, ЗУшки и пары БМП, с приданным этому летучему отряду штурмовым мотострелковым подразделением. Наша такая "банда" как раз и носила имя Дениса Давыдова – мастера наносить оккупантам неожиданные разящие удары там, где его меньше всего ждали.

Мне с моего места пятого подползающего к шестому прикрывающему было сложно судить, почему на этот раз все пошло не так. Потом ходили слухи, что на комбрига давили смежники, не желающие иметь в тылу очаг сопротивления или, что высокое начальство в категоричной форме приказало выровнять фронт. Но скорее всего комбриг малость ослабился, положившись на данные разведки, сообщившей, что в Алатыре лишь один слабенький укрепрайон на мехзаводе. Да и там, мол, сплошь духи-новобранцы. А разведка-то и польские танки прощелкала, и засаду духов у депо. Хорошо еще, боевики на фугасы не были богаты, а все равно несколько машин повредили, а два БТР и ТИП-96 сожгли.

В "Западном" все вошло в привычное русло. В нашей, имени Дениса Давыдова, когорте сначала, как полагается, вперед выдвигались тяжелые, увешанные латами динамической защиты бойцы, которые глушили пулеметные гнезда боевиков прямой наводкой. По другому их было не выковырнуть оттуда. Духи свои позиции оборудовать научились

еще с первых кавказских войн конца прошлого века. Пулеметчик, реже снайпер или гранатометчик, сидел за бойницей, выложенной из кирпича в проеме внутренней стенки бывшей квартиры. Таким образом, и осколки мин, гранат из подствольника и просто гранат, взрывающихся внутри комнаты, или во внешнем проеме, им были нипочем. Так же как и выстрелы из РПО.

После того, как отработает один тяжеловес, он, под прикрытием остальных отходил назад, уступая позицию следующему. ЗУшка и БМП, в это время, прячась за танками, словно лучники за щитами, обрабатывали верхние этажи зданий. Вернее то, что от них осталось. Вряд ли там после этого кто-то мог выжить – ведь крупный калибр проходил сквозь кирпич и пеноблоки, как нож сквозь масло, а ЗУшка и вовсе крошила стены, как отбойный молоток. Пехота же, в это время, растекаясь по естественным укрытиям, добивала выживших.

Идеальная схема убийства. Была бы. Но, то у БМП заклинит пушку, то у танка закончатся боеприпасы, то у ЗУшки порвет трак.

К вечеру, во время передышки, пока вертушки обрабатывали Лесную улицу, куда мы таки выбили боевиков с перекрестка, к нам подползла БРЭМка из эвакуотряда и утащила ЗУшку, которая и могла теперь только крутиться на месте и прикрывать нас с тыла.

К этому времени мы, одев приборы ночного видения

(ПНВ), уже прошвырнулись по подвалам домов, превращенных духами в крепости. Расчищая себе путь термобарическими ВОГаи и выстрелами из РПО, мотострелки продвигались комната за комнатой, пока не поступил приказ быть осторожнее, где-то в глубине у духов должен быть арсенал. Тогда мы начали закидывать стреляющую темноту РГН.

В одном из тупиковых помещений второго уровня я с ребятами обнаружил группу добровольцев, стоявших в задумчивости вокруг кучи какого-то тряпья.

Как мы тогда не поубивали друг друга, ума не приложу. Сигнал со спутника в подвалах не ловился, и сетка на мониторе, встроенном в забрало, была девственно чиста. Ни красных, ни зеленых точек. Только какие-то не воинственные позы добровольцев спасли их от дружественного огня.

Они стояли и рассматривали то, что впоследствии было опознано, как Ваха Мирзоев. Но они тогда уже знали. Среди "Родионовцев" было несколько местных, видевших главаря, еще при американцах, разъезжающего по городу в шикарном белом седане.

Теперь Мирзоев лежал на спине. Голова его, почти отделенная от тела осколком, запрокинулась назад, обнажив ослепительно белую челюсть, стоимостью с десяток тысяч евро. Прибывший сюда пятью минутами позже комбат, сфотографировал труп, снял с него планшет и кобуру с "Десерт Иглз", маленький автомат (что-то типа УЗИ), бинокль, винтовку "Steuer" и кинжал, рукоять которого была усыпана дра-

гоценными камнями.

Я облизнулся только на бинокль. Дорогая и полезная штука. Снаряги-то и оружия мы с ребятами успели затрофеить уже едва ли не больше того, что позволяло нормально двигаться и воевать на минус втором уровне. Пока глазели на упокоенного главаря, здание окончательно зачистили.

Наверху тоже уже был темно, поэтому к Лесной так и отправились, не снимая ПНВ.

На этой последней улице "Западного" никого способного оказать достойное сопротивление уже не было. Так, несколько наколотых новобранцев, и все.

Осталось дожидаться китайский саперный батальон, и город наш. Он итак наш, но даже с поправкой на военное время, сейчас в нем слишком много того, что должно было взорваться, но не взорвалось.

Китайцы вообще молодцы. Очень дисциплинированные и упорные ребята, без страха и сомнения. Если бы не они, не погнали бы сейчас мы оккупантов. Хотя только в будущем будет понятно, какую цену нам за эту помощь придется заплатить.

Сейчас они воюют за нас неофициально, как мы вместе с ними сражались в прошлом веке против американцев во Вьетнаме, а еще раньше советские военспецы сражались в составе интернациональных бригад в Испании против фашистов.

Это хорошо. Здорово! Но вот что будет потом? Это ведь

наша продажная верхушка поставила всех нас в неудобное положение, сдав страну западу. А точнее американцам и их прихлебателям. Слили практически полностью, но малость не рассчитали. Даже при этом пестрой и многочисленной коалиции вместе с кавказскими диаспорами внутри страны, не удалось в короткий срок подмять под себя всех нас полностью. Вывернулись, выстояли, и понеслась обратка.

Хотя какого хрена сейчас об этом думать? Сейчас гораздо легче, чем было еще два с половиной года назад.

Я сел на теплый еще мотор БМП и закурил. А перед глазами поплыли картинки из ноября двадцать четвертого.

03.11.2024 г. В окрестностях села Кивлей

Юркая поземка просачивалась сквозь ивовые прутья, часто утыкавшие опушку замерзшего леса. Белой дымкой она струилась между черными оголенными холмиками прихваченной ночными заморозками земли, и наполняла мелкой россыпью снега неглубокие овражки и впадины.

Ноябрьское мутное солнце пряталось за черными верхушками деревьев, и ничего не говорило о том, что небо прояснится и станет хоть немного теплее.

Мы возвращались. Возвращались не солоно хлебавши. В подавленном и растерянном состоянии.

Шляясь вооруженными до зубов по территории, находящейся под управлением миротворческой администрации особо некогда точить лясы. Тут нужно глядеть по сторонам,

прислушиваться к запахам и звукам, чувствовать любое колебание почвы под ногами, потому что далекие взрывы, порой, именно так и можно засечь. А сегодня вообще никому разговаривать не хотелось.

Не до того.

Хуже всего нам с Мордой, и Баклажану. Наш человек в Кивлее знал о лежке в подвале заброшенного консервного завода, значит, туда возвращаться нельзя.

Жалко. Там продуктов недели на три, а еще всякая мелкая полезная утварь, боеприпасы. Все, что нажито непосильным трудом, теперь достанется этим гнидам из территориальной полиции. То-то песен и плясок будет в их селах, превращенных в аулы.

О том, что Чижика раскололи, мы услышали на базаре в Горячевке. Слухи на войне, как источник информации, куда эффективнее, чем десяток маячков с видеокамерами или те же проплаченные информаторы. С маячков еще надо скачать инфу, а потом просмотреть мегатонны записей, а тому же стукачу кто-то просто может заплатить больше, или в лучшем случае, он возьмет деньги и наплетет с три короба. А вот та же бабка, продающая яблоки, лук и черемшу, или водила, подрабатывающий и частным извозом и грузчиком на рынке, дезу гнать не будут. Если только эту дезу в виде слуха не запустит сама администрация. Но вот тут-то становится очевидной польза информаторов.

Чижик был самым лучшим из них. На сто процентов свой.

От того было еще горше смотреть на его сожженный дом и следы крови возле калитки, которые к нашему приходу были едва заметны под тонким слоем снежной пыли.

В Кивлей мы зашли с противоположного от дома Чижи-ка конца, просидев перед этим полтора часа за ржавым комбайном на соседнем холме. Кроме свежего блокпоста, что выставили американцы на въезде со стороны Пензы, чужих в селе не заметили. Миротворцами же занялись после того, как изучили место преступления.

Морда с самого начала со своим "Винторезом" остался прикрывать нас на холме, а я и Баклажан засели в крайнем доме, недалеко от беспечных американцев, двое из которых даже поленились вылезти из броневика. Еще один топтался возле двух бетонных блоков, уложенных в шахматном порядке, и еще двое прогуливались вдоль дороги в противоположных направлениях.

"Мой" – самый легкий. Он как раз подошел совсем близко, развернулся и, пританцовывая и кивая головой в такт музыке, медленно удалялся.

Баклажан, в это время, необычайно проворно для его комплекции, крался вдоль придорожных кустов к своему.

Я достал пистолет с глушителем и переместился за автобусную остановку, укрывающую меня от сидящих в LSV.

Выстрел в затылок меломану. Теперь главное, коротким рывком оказаться вне зоны видимости экипажа броневика. Баклажан уже свернул голову своему. Чавкая своей жева-

тельной резинкой, тот даже не услышал хруст собственных шейных позвонков.

Топчущегося возле блоков снял Морда. Командир нашей ячейки и Баклажан справились без меня и с сидевшими в броневице. Наш штатный пулеметчик залез сверху на LSV, и, как только высунувший голову главный сержант Фаулер получил пулю в лоб, засадил очередь в теплую утробу броневица.

С американцами мы расправились вовсе не из чувства мести (накормить его в ближайшее время вряд ли удастся), а исключительно ради пяти новеньких термокостюмов, которые в наших краях имеют только пиндосы. Эти адепты Нового мирового порядка учли печальный опыт сорок первого своих предшественников и подготовились гораздо лучше к встрече с "Генералом морозом". Костюм этот был изготовлен из специальной ткани, генерирующей тепло. Небольшие гибкие аккумуляторы, вшитые наподобие лампас, при ходьбе накапливали статическое электричество, которое потом преобразовывалось в тепло. Кроме того, эти костюмы заменяют собой маскировочную накидку "Серебрянка", делая силуэт совершенно неразличимым ни для датчиков, ни для тепловизоров. Бесценная в нашем зимнем лесу вещь.

Правда, пятый термокостюм оказался безнадежно испорчен Баклажаном. Но жаловаться грех. Помимо этих четырех трофеев, мы взяли все сухпай, что нашли, сняли с оружия прицелы и, вытащив блоки питания и симки, прихватили все

пять коммуникаторов и планшет главного сержанта.

Больше было не унести. У нас же нет экзоскелетов, а вот у контрпартизанской группы, что возможно вышлют по нашему следу, они точно будут. Именно поэтому задерживаться здесь больше не стали.

В случае провала какой-либо лежки, ее обитатели должны были выйти к заранее оговоренной точке связи, выйти в эфир и ждать гонца из основной базы.

Мы так и сделали. Дальше нас либо должны были перенаправить на резервную лежку, либо забрать в лес.

Из отряда прислали сразу двоих, и оба из нашей ячейки: Витьку Бойко по прозвищу "Саморез" и Влада Богова по прозвищу БГ.

Саморез – старожил отряда. Сюда подался вместе с группой пензенских опоновцев, составивших его костяк, но особого энтузиазма по этому поводу не испытывал, в отличие от никогда не унывающего БГ. На этой почве они и собачились всю дорогу до базы.

– Вот скажи, Саморез, нафига ты в партизаны подался? Сидел бы сейчас, охранял какие-нибудь продовольственные склады у ООНовцев.

– Понимаешь, БГ, для любого человека что главное? Подольше пожить и полегче умереть. К ООНовским складам русских на расстояние выстрела не подпускают. Максимум что мне бы светило – пахать грузчиком на железнодорожном узле за пайку хлеба. Жизнь тяжелая, голодная, нудная и ко-

роткая. И смерть мучительная.

– А здесь что?

– А здесь шансов протянуть лет эдак несколько для моего молодого организма гораздо больше, а если и доведется помереть, то нет ничего гуманнее пули.

– Не скажи. – Хмыкнул в ответ БГ. – Пуля, она по разному может попасть. Вот был у меня случай...

– Тихо. – Прервал спор Морда. Командир нашей ячейки уже бывал на базе вместе с Баклажаном и мог отлично обойтись и без этих горе связных. Он по каким-то признакам понял, что наш маленький отряд уже близок к цели, а это значит, что следует сойти с тропы и дальше двигаться по маршруту, известному только посвященным.

Лес вокруг был полон сюрпризов для незваных гостей. Конечно, случись облава, миротворцы бы без труда обезвредили все мины и растяжки, но какое-то время у них бы на это ушло. А там глядишь и обнаружил их кто. Ведь помимо стандартных сюрпризов, супостат мог наткнуться на ловушки, изготовленные по старым дедовским рецептам.

Мне совсем не улыбалось провалиться в волчью яму или получить остро заточенную деревяшку в ногу. Самое безопасное – это зацепить леску с привязанными к ней консервными банками.

Минут пять мы шли гуськом за Мордой, ступая след в след, пока нас приветливо не ошупал своим лазерным прицелом сторожевой робот "Вася", чьи мозги под партизанские

нужды переделал мой хороший приятель Костик "Ботан".

На саму базу мы вошли, описав неполный круг, со стороны небольшой, уже подернутой хрупким ледком речки. Тот же, кто попрется напрямки, будет остановлен управляемыми минами, растяжками и другими ловушками.

– Пришли. – Выдохнул с облегчением Саморез. Он, как выяснилось позже, до коллик боялся мин, змей и бронееток. Что в моем понимании практически одно и то же.

Я огляделся, и видимо ничего кроме немого вопроса 'где?' не было написано на моем лице.

Ветер гонял жухлую листву среди почерневших берез, с отслаивающейся от сырости корой. На ближайшей из них, хитро косясь на нас, сидела здоровая ворона. Пахло поздней осенью, и... Да. Только запах костра и привлек внимание к наклонившемуся над речкой дереву, из-под корней которого струился, и тут же исчезал в непролазных кустах, разросшихся на берегу, еле заметный сизый дымок. Уже метров с пятидесяти его не унюхать, не увидеть. Чего уж там говорить о вертолетах и беспилотниках.

Лагерь был у нас под ногами. Девять землянок, а скорее блиндажей, распложенных по кругу, соединялись между собой подземными ходами. Чуть в стороне небольшой полевой подземный госпиталь, баня, кухня и оружейка. Командного пункта как такового не было. Все руководство обычно собиралось в одной из двух более просторных землянок.

В каждом жилом блиндаже в боковых стенках вырыты ни-

ши, в которых устроены нары, реже склад боеприпасов и, конечно, продуктовая яма, где хранится все: начиная с консервов и круп, заканчивая картошкой, луком, шоколадом и вяленным мясом. Да. Теперь зимой в ледники будут загружать еще и мясо, куриные тушки и рыбу.

За оружейкой (она же мастерская) находится склад ГСМ – несколько небольших бочек, вкопанных в землю. Топливо нужно для двух дизельных генераторов, необходимых, прежде всего для подзарядки раций, ПНВ и прочей электроники.

В принципе в самих землянках барахла не так много. Все-таки партизанская жизнь предполагает в случае чего схватить все самое необходимое и сделать ноги.

Когда я осмотрел все, что уже сделано, меня охватило чувство досады, из-за того, что рано или поздно все это придется бросить. Еще сильнее жаба начала душить, когда мы с Баклажаном, Мордой и еще одним бойцом нашей ячейки Лешкой Здравцевым по прозвищу "Витамин" собственными руками отрыли еще одну землянку и два подземных хода к ней. Один соединял наше жилище с остальными берлогами, а второй выходил к реке. Так были устроены все жилища на базе, дабы каждый имел возможность при облаве по воде уйти от собак.

Да. Наше руководство решило на всякий пожарный устроить ротацию среди "явочников" и "лесовиков". Надо сказать, что и на бывшем консервном заводе жизнь у нас с Мордой

и Баклажаном была не сахар, но хотя бы не так опасна, как на городских и поселковых явках. Ведь в отличие от партизан Великой Отечественной или, скажем, чеченских боевиков начала века у нас не было стопроцентной поддержки населения. Многие деревни давно превращены в аулы, да и в той же Пензе полно диаспор. Этнические же русские села сами находились под постоянной угрозой переселения в лагерь для перемещенных лиц. Поэтому частные дома или квартиры в городе под явку выбирались так, чтобы оттуда было легко свалить в лес. Либо на окраине, либо (что еще лучше) в конце тупиковой улицы. Тогда подойти незамеченной у облавы шансов нет.

Кстати землекопом я работаю не в первый раз. И в селе Марьино и на консервном заводе мы тоже устраивали себе ходы отступления.

Чуть позже к нам присоединился "Паника" – Стас Смородин. Шебутной такой парень, он получил это свое прозвище за не покидающее его паникерское настроение. Вот и сейчас Паника постоянно бубнил, что стенки у нашей землянки обвалятся, гидроизоляция из полиэтилена порвется, мы все промокнем, заболеем и умрем. Хорошо еще, что при этом он не забывал, копать, пилить и таскать. Иначе вылетел бы из отряда в два счета. Хотя нет. Говорили, что в бою Стас преобразался, и от паники оставалось только прозвище.

В работе Паника тоже не отставал от других, а в плотницком деле и вовсе мог дать сто очков вперед такому городско-

му жителю, как я. Пока мы с Саморезом спилили и обработали несколько молодых деревьев под жерди, бригада "ух", основную ударную силу которой как раз составлял Паника, заготовила с десятков бревен для перекрытия.

Весь следующий день мы таскали стройматериал в наш лагерь, потому что по неписанным правилам современной партизанской войны крушить лес допускается не ближе трех-четырех километров от базы.

Паника к тому времени отправился отдыхать. Подошла его очередь заступить в охранение.

Теперь нам предстояло собственно вырыть землянку. Копать было тяжело. Сырая ноябрьская земля сопротивлялась, как могла: липла к лопатам, подсовывала камни, тянула к нам из глубины многочисленные корни и сочилась водой. Я сдался задолго до того, как был готов котлован размером пять на три метра и глубиной два с половиной. Не то, чтобы собирался сачковать, просто руки после лесоповала превратились в одну сплошную мозоль. В госпитале наш доктор "Церетели" как обычно сказал, что такие мозоли не лечатся, и вообще чтобы я шел в город заказывать себе черный костюм и белые тапочки. К этим его плоским шуточкам я привык еще в Верхнем Шкафте, где раньше располагался наш отряд, называвшийся тогда подразделением территориальной полиции по борьбе с НВФ. (Ага. Доверили кошке мышек охранять). Слава богу, не предложил, как обычно, "отсечь все лишнее". Этой своей знаменитой фразе док и был

обязан прозвищем Церетели.

Засунув обработанные и забинтованные руки в рукавицы, я поспешил на стройку. Работа там шла полным ходом. Теперь мы с Мордой таскали самодельные носилки, а Саморез, БГ, Витамин и Баклажан рыли землю в прямом смысле этого слова. Ниши и ров под выход мы обустроили только к обеду следующего дня. Ходы нам помогли прорыть остальные ребята из нашей ячейки. Все-таки у них уже был опыт в этом занятии.

"Триплекс", он же Миша Штайн – один из наших снайперов, все в шутку беспокоился за свои "музыкальные пальцы". Думается мне, это он всерьез беспокоился. Зато никогда не устающий Баклажан с хохотом гонял отлынивающего от работы БГ куском асбестовой трубы, которую откуда-то притащили с последнего рейда соседи из второй ячейки, и из которой мы планировали сделать дымоход.

– Слушай, Мих, у тебя витамины есть? – Подсел ко мне Лешка, как только наш командир Морда объявил очередной перекур.

– Нет. Ты же уже спрашивал.

– Эх, жаль. Зима предстоит долгая, мне витамины нужны.

Ну что с него возьмешь. Витамин, есть Витамин. Практически к каждому уходящему в рейд подходит и просит пошукать новую аптеку и купить там витаминов. Это в ряд ли. В городе таких вещей нет. Разве что сразу на базу к миротворцам зайти.

Пока валяли дурака, Саморез предложил укрепить ступени при входе камнями, но появившийся Паника сказал, что они быстро расшатаются, и в результате ступени сделали, как и все, из заранее напиленных досок.

Потом мы ставили опорные столбы и врывали стропила. Вообще-то их полагается укладывать на лежни – небольшие бревна, прикапываемые по бокам от котлована. Но из экономии сил и времени мы решили обойтись без них.

Ближе к вечеру пришел старик Борзыкин. Это он вместе со своим сыном и внуком были первыми партизанами, на которых мы с Костиком "Ботаном" напоролась, когда вместе бежали сюда из Подмосковья. Кстати самого Костика я до сих пор на базе так и не встретил. Он вроде бы ковырялся где-то в лесу с установленным на угнанном у миротворцев "Хамви" радаре, пытаюсь настроить его для работы в пассивном режиме. Если получится, на базе будет известно о любой летающей дряни задолго до ее появления здесь.

Костик, он головастый. Собрал, например, радиосканнер, и теперь отряд может вести полноценную радиоразведку, а супостат об этом не узнает. Застать нас врасплох им теперь будет весьма затруднительно.

Дед Борзыкин не спеша, со знанием дела, принялся выкладывать для нас небольшую печку-каменку.

Сверху стропил мы положили жерди нашего с Саморезом изготовления. Это будущий потолок землянки.

Гвоздей на весь потолок у нас не хватило, и часть жердей к стропилам привязывали проволокой. Из этого же материала делали и стены землянки, предварительно проложив их полиэтиленом.

Перекрытие в три наката делать не стали. Никто ведь не собирается здесь укрываться от артобстрела. Если уж вычислят и накроют, скажем из РСЗО, то и бункербастеров не пожалеют.

Тем временем Паника сварганил нам два люка и тамбурную дверь с дверной коробкой. А Морда притащил светоотражающую зеркальную пленку, какими раньше тонируют витрины в бутиках. Она будет выполнять сразу три функции: удерживать тепло внутри нашего логова, не пропускать влагу и отражать сигналы со спутников, самолетов, вертолетов и беспилотников. Под навесами из такой пленки в принципе можно и костры на открытом воздухе разводить, что мы потом и делали.

На этом наш рабский труд "во глубине сибирских руд" не закончился. Предстояло еще пристроить выработанный изпод землянки грунт и вырыть несколько схронов на удалении от базы. Вещевой, продуктовый, под медикаменты и боеприпасы. Все это нашей ячейке, которая теперь здесь собралась в полном составе, предстояло еще добыть. Вот такая лесная экономика – полный хозрасчет и самокупаемость. В принципе отряду пока всего хватало. Много чего осталось с тех жирных времен начала войны, когда мы сидели в Верх-

нем Шкафте на полном снабжении у НАТО и изображали из себя контрпартизанский отряд. Но у любой полезной вещи есть поганое свойство заканчиваться.

После окончания работ восьмерых с половиной землекопов ждала баня.

С ума сойти можно! БАНЯ! Настоящая, с парком и березовыми веничками. Вот оно преимущество жизни в больших коллективах. Сидя на явках мы о таком и мечтать не могли. Там максимум что, согреешь кастрюлю воды и размазываешь грязь по телу.

Баня на базе отличалась от той землянки, которую мы только что сбацили, помимо внутреннего устройства, разве что натянутым на стены двойным полиэтиленом и печкой побольше. На нее уложили несколько небольших камней окатышей, выковыранных из речного дна.

Парились по очереди, в несколько заходов. Первый – чисто погреться. Баня эта рассчитана на пять-семь человек. Разместиться там может и больше, но тогда тепла на всех не хватит.

Моя бы воля, парился бы каждый божий день, но бойцов в отряде уже за сотню, и такое удовольствие для каждого доступно лишь раз в неделю. Вне очереди пропускаются лишь бойцы, вернувшиеся из дальних рейдов, проходивших в сложных погодных условиях.

Вот, например, сейчас хоть и было ветрено и зябко, но зато сухо, и иногда сквозь разрывы облаков выглядывало солн-

це, создавая иллюзию теплого осеннего денька. А еще неделю назад беспрестанно лил дождь, и от всепроникающей сырости некуда было деться. Помню, как баклажан, вернувшись с "фишки" в нашу конуру на консервном заводе, стоял у самодельного очага, а от его булата шел пар, как от паровоза. А ведь дежурил он под навесом.

После парилки – ужин. Печеная картошка, каша с мясом, рыбные консервы. И водочка. Хорошо пошла по очищенному организму.

Вообще-то я не пью, но после бани, да под хороший закусь, да в хорошей компании... Но много употреблять не стал. Да много и не дали. Все-таки у нас завтра вылазка, да сегодня еще надо оружие почистить.

Можно было бы и отложить эту нудную процедуру на потом. Я и не стрелял-то особо в последнее время, но сегодня этим собирались заняться остальные ребята, а мне бы не грех еще разок посмотреть, как это делают профи. Практика – лучший друг, товарищ и брат теории.

Первым делом взялся за автомат. Нанес щелочную смазку на канал ствола, затвор и прочую мелочь, на которой от пороховых газов образуется нагар. Подождал минут пятнадцать и удалил ее так называемым патчем – тряпочкой, которую некоторые жлобливые чудаки иногда стирают, чтобы снова использовать, чего ни в коем случае делать не следует.

Затем я взял калиберный латунный ершик (некоторые опять же жлобятся и покупают дешевые пластиковые, кото-

рые забиваются твердыми включениями) и от казны к дулу одним движением провел по каналу. Потом взял сухой патч, намотал его на вишер, слегка смочил слабощелочным составом и протер. Поскольку патч стал очень грязным, заменил его новым и вытер ствол насухо.

И так пару раз. Если бы много стрелял, двумя заходами не обошелся.

Теперь настала очередь патронника. Для него свой ерш, вращая которым поочередно с протиркой двумя патчами (смоченным в смазке и сухим) очищаю и патронник. Дальше оси, пружины, трущиеся поверхности и прочая мелочь.

Я смотрел, как, высунув язык, Триплекс чистит деревянной палочкой детальки газового двигателя (они часто покрыты коркой нагара или слоем томпака). Сделал все, так же как и он. ПКМ и АКМ близнецы-братья.

При сборке все части слегка смазал нейтральной смазкой и занялся пистолетом.

Морда использовал трофейную нейтральную аэрозольную смазку "Stil Crin", поэтому управился быстрее, и теперь покуривая, травил байки про умников, использующих для чистки машинное масло. Я все это слышал не один десяток раз, и потому прислушался к тому, что говорит мой сосед слева – пожилой молдаванин Степан Нице. Дядька хоть и староват для маршбросков и дальних походов, зато опытный сапер, хорошо стреляет, да и повоевать ему довелось немало. Причем не только в нынешней войне. Говорят, он служил

еще в той самой советской армии, а потом в далеком девяносто втором участвовал в боевых действиях в Приднестровье. Причем на стороне прорумынских сил, а вот ныне воюет против румын.

Сейчас Степан рассказывал, о том, что перед тем, как попасть сюда, он два с половиной месяца шарahalся по окрестностям вместе с ополченцами.

Поначалу сопротивление было хаотичным, не организованным и, можно даже сказать, бестолковым.

Среди ополченцев ведь были и опытные вояки. Они-то сразу и предложили пойти в ближайшую военную часть и разжиться там бронетехникой и тяжелым вооружением. Там ополченцев послали лесом, а уже через несколько дней из этой в/ч разбежались все офицеры и солдаты, а по складам и капонирам отработала миротворческая авиация. Единственное, что удалось собрать среди дымящихся руин ополченцам – несколько десятков автоматов, патроны россыпью из разбитых ящиков, пять выстрелов РПГ, немного гранат и два пулемета: ПКМ и старый "Утес", к которому все равно не было патронов. Еще отыскивали чудом уцелевшие БТР "восьмидесятку" и УАЗ. Боекомплекта в бэтре с гулькин хрен, поэтому по настоящему использовать его стали только тогда, когда раздраконили несколько подбитых вражеских машин.

Воевали а-ля батяка Махно. Наскочили, постреляли и в кусты. Народу вроде много, но в каждой группе сам себе командир. Многие с опытом ведения боевых действий на Кав-

казе не очень-то подходящим здесь на равнинах Пензенской области. Связи почти никакой, координации действий не было вообще. Доходило и до дружественного огня, и до стычек. Пока разберутся кто на той стороне улицы, уже несколько двухсотых и трехсотых. Ходили-то кто в чем горазд. Многие в трофейной НАТОвской цифре. Только казаков легко было различать по их фуражкам с околышами. Но носили они их недолго. Как только снайперы миротворцев стали бить по этим фуражкам, так их и сменили на каски и обычные солдатские кепки, и больше не выпендривались.

Оборонительные действия ополченцам удавались еще туда-сюда, хотя оружия и боеприпасов катастрофически не хватало, и даже окопы рыть, не говоря уж о том, чтобы нормально обустроить огневые точки, никто не умел. Поэтому долго держаться даже против, прямо скажем не горящих желанием воевать болгар и словаков, не могли.

В наступательных же действиях вообще туши свет, сливай масло. Казаки бегут в атаку на село, укрываясь за единственным бэтром, сводный отряд полиции, не перешедший как многие их коллеги на службу к миротворцам, сидит по своим огневым точкам. Полицейские обходят село с фланга и занимают ферму, а казаки отходят по чьему-то приказу за речку. Какая-то городская шелупонь из ополченцев в это время вообще мародерит в соседнем селе. Их оттуда выбивает НАТОвская бронетехника, которая идет в село с полицейскими и казаками и разгоняет и тех и других к едрене

матери, застав их врасплох.

Посылать колонну в походном порядке через место, в котором только идиот не устроил бы засаду, вместо того, чтобы спешить с брони десант и прочесать окрестности, или оставить у себя в тылу враждебное село из переселенцев с Кавказа – такое было в порядке вещей. И если в первом случае толковый лейтенант, вынужденный подчиниться тупому подполку, таки вскрыл засаду, обстреляв издали бывший пост ГИБДД и кусты напротив него из ЗУшки, установленной на обшитом броней КАМАЗе, то во втором случае не мог сделать ничего и он. Ингуши ударили им в спину, и три четверти отряда, в котором был Степан, уничтожили, а остальные разбрелись по лесу. Молдованину и еще двоим ополченцам повезло. Они вышли на своих. Да не просто абы на каких, а на настоящее боееспособное подразделение под началом толкового командира.

Тем больше было удивление Степана Ницэ, когда он узнал, что Шычалов не кадровый военный, а бывший завуч школы села Кургановка. Не владеющий даже азами военного искусства, но стремящийся разобраться до конца во все, за что бы ни брался, Шычалов не стеснялся лишний раз спросить и лейтенанта, воевавшего в Карачаево-Черкесии и капитана спецназа ФСИН и простого механика-водителя. Пусть на первых порах эти разношерстные военные советы выглядели со стороны диковато, зато Шычалов за короткое время объединил несколько разрозненных отрядов и сколотил что-

то вроде мотострелковой бригады, которая постоянно пополнялась все новыми бойцами. Люди шли к Бате (как скоро стали называть Шычалова) потому, что впереди его отряда шла молва об удачно проведенных им операциях. Хотя, конечно, любая самая достоверная информация сразу обрастала слухами, что, впрочем, было только на руку шычаловцам.

Когда более-менее стабилизировалась линия противостояния войск коалиции и "повстанцев" (так на западе называли остатки русской армии), новоиспеченный комбриг наладил связь с подразделениями регулярной армии, и теперь имел поддержку и артиллерии и авиации. К этому времени у них был свой бронетанковый батальон, состоящий из трех румынских Т-80, двух украинских "Оплот-2", "Леопарда", грузинской "Меркавы" и английского "Челенджера". Легкая броня тоже однообразием не баловала.

Но все равно, сопротивляться младонатовцам и вооруженной до зубов пятой колонне кавказцев шычалинцы еще могли (и делали это успешно), но когда на их участок перебросили австралийских морпехов, дела стали несравнимо хуже.

И вот в середине октября австралийцы зашли шычалинцам во фланг, высадив одновременно десант недалеко от расположения штаба бригады. Степану посчастливилось (если это можно так назвать) находиться неподалеку от штаба, и он оказался в толпе бестолково мечущихся штабных. Молдованин был не в том возрасте, чтобы бежать без оглядки

до местности, находящейся под контролем повстанцев. Он опять ушел в лес. Один раз его, зарывшегося в жухлую листву, едва не обнаружили устроившие облаву оккупанты, другой раз он все-таки наткнулся на чужих, но успел среагировать первым и расстрелял из автомата польский патруль.

Голодного, простудившегося и едва переставляющего ноги его обнаружил один из партизанских секретов. С тех пор он и обитал на базе. Дядька оказался воистину бесценным кадром для нашего отряда. Он стал инструктором по минно-взрывному делу и вообще его опыт не пропал даром. Например, он рассказал командиру отряда Игорю Бобрину о тайных складах продуктов, оружия, амуниции и просто всякого барахла, что возят с оптовых баз на свои рынки кавказские челноки. Поодиночке пересекать районы, где действовало сопротивление, они не решались, прорывались караванами в несколько десятков машин под прикрытием бронетехники и крупных отрядов в несколько сот бойцов. За такую крышу торговцы отдавали половину груза. Если в колонне ехала какая-нибудь шишка из авторитетного тейпа, мощного клана или большой диаспоры, то она на особо опасных участках шла под НАТОвским зонтиком из беспилотников, роботов-разведчиков и звена ударных вертолетов. Те, кто победнее и малочисленнее рассчитывали в основном на скорость и внезапность. Ведь помимо партизан в лесах бродило множество банд, у которых в деревнях и аулах были свои информаторы. Чтобы проскочить чужую территорию за ночь

или доставить определенный товар к определенному месту, торговцы изобретали сложные схемы, одними из элементов которых были перевалочные базы и схроны. Базы нашему отряду пока были не по зубам, а вот нычки мы периодически потрошили, тут же перепрятывая их содержимое. Не брали только наркоту. Ее не жгли, дабы не обнаружить себя, а просто мешали с землей или снегом.

На поиски такого схрона наша ячейка и должна была отправиться завтра. А по дороге мы заодно проверим инфу о складе зимнего обмундирования для формируемой в Никольске полицейской части. Наш отряд постоянно пополнялся, и бушлатов, полученных еще в бытность его подразделением коммандос, уже не хватало. А тут какие-то говнюки будут щеголять в теплом, пока наши парни мерзнут в лесу. Непорядок.

06.11.2024 г. В окрестностях села Кивлей

Наша группа вышла из лесу и теперь двигалась по открытой местности, представляя из себя отличную мишень для ударных беспилотников, которые рыскали по окрестностям как раз в поисках вот таких вот целей – неопознанных скоплений некомбатантов, не отвечающих на запрос свой – чужой ввиду отсутствия микрочипов.

А что делать? До точки, где мы должны были встретиться с какими-то дельцами на "воровайке", на которой нам

предстояло вывезти на новое место хабар из обнаруженного кавказского схрона. Но прежде та же "воровайка" должна доставить группу как можно ближе к тому самому складу. Как это обычно бывает, начальство все переиграло в последний момент. Наш человек в дружных рядах расхитителей капиталистической собственности скинул посреднику точные ("мамой клянусь") данные об охране и содержимом склада, и Бобрин решил не откладывать дело в долгий ящик. Через день-два либо часть одежды могли увезти, либо охрану усилить.

Ехать было, конечно, тоже опасно, но не так, как идти пешком по населенной духами территории, где тебя может спалить любой их пацан, пасущий овец. Был еще вариант со скотовозкой, но от него отказались не от того, что после такого газенвагена ото всей группы будет нести овечьим дерьмом, а по причине наличия у "воровайки" очень полезного девайса – крана грузоподъемностью. Потрошить упакованное обмундирование, скорее всего, будет некогда, а краном можно быстро покидать тюки в кузов, и только тебя и видели.

Это все хорошо, но до места еще надо было добраться живыми и здоровыми, а погоды нынче не радовали. С неба лилось, как из прохудившегося крана. На узкой глинистой тропе ноги разъезжались в разные стороны, и их то и дело приходилось вынимать из глубокой липкой грязи. Поле ровное, как стол, и ни одного деревца, кустика или канавки. Ско-

рость передвижения, понятно, никакая. Как во сне, где перебираешь ногами и ни на сантиметр не удаляешься от неведомой жути позади. При этом еще зуб на зуб не попадает. Бушлаты давно напитались водой и придавили к земле немалым весом. У кого были ботинки, те хлюпали водой, счастливики в коротких кирзачах присоединились к ним чуть позже. Казалось, это никогда не закончится. Все звуки вязли в водяной взвеси, за которой еле угадывались крайние домишки села, где была назначена стрелка с дельцами. К лесу подъехать эти засранцы отказались наотрез. Но самый цирк начался при подходе к цели. Морда дал нам знак рассредоточиться и залечь. Командир обладал поразительным чутьем на опасность. Он и раньше каким-то непостижимым образом предугадывал ее, спасая нас с Баклажаном от неприятностей в виде патрульного робота, неожиданно выскакивающего из-за поворота или засады, поджидающей на той стороне оврага. В этом плане и остальные были наслышаны о способностях Морды или имели возможность убедиться лично, поэтому все, как один ничтожно сумняшеса плюхнулись в пузырящиеся желто-коричневые лужи и буквально слились в экстазе с ненавистной жижей.

И точно по размытой грунтовке вдоль заброшенных огородов уже ползла процессия, состоящая из маталыги, какого-то импортного грузовика, буксируемого трактором и 'Хаммера'. Последний двигался зигзагами и пару раз пошел юзом, едва не съехав в придорожную канаву, но водила ви-

дать был опытный и справился. Замыкал процессию ответственный 'УАЗ-патрол', таких проблем не имевший.

Свидание с сомнительными личностями неопределенного образа мысли в наши планы не входило, и восьмерым разведчикам пришлось добрых сорок минут греть пашню своим брюхом. Правда, без дела мы не лежали, а потихоньку подобрались к ближайшему строению, представляющему из себя недостроенный кирпичный коттедж с глухим высоким кирпичным же забором. Тоже недостроенным. Такие подворья в массовом порядке начинали возводить на Кавказе в начале века, естественно на русские деньги. Здесь они тоже начали появляться вместе с первыми переселенцами с гор. И, само собой, строили их опять за счет государства, что было "очень по нраву" местным, продолжавшим выживать в лачугах без электричества и с удобствами во дворе. А чего радоваться, если абориген ездит в ближайший райцентр, где корячится за копейки и смотрит, как гость с юга живет на подъемные, беспроцентный сорокалетний кредит и всяческие ссуды, раскатывает на "Приоре" и снимает местных девок, предпочитающих его русским неудачникам. Впрочем, из аборигенов сейчас тут осталось лишь несколько бабок, да хитрожопый бакинский еврей Юлик Айзедман с семейством, к которому они и шли.

Наконец, давешняя колонна проползла обратно, но в усеченном варианте. Не было УАЗа и трактора. Облегченный грузовик шел своим ходом.

По сигналу Морды мы метнулись в недостроенный коттедж, откуда прокрались на соседнюю улицу к дому Юлика. Во двор пошли не все. Трое рассредоточились вокруг подворья, а Баклажан со своим пулеметом устроился в хибаре с провалившейся крышей напротив.

У железных ворот в грязи просматривались четкие свежие следы протекторов. Значит, наш пострел везде поспел, и до нас обстряпал какое-то дельце с недавними визитерами. И точно. Справа во дворе рядом с дорогим импортным внедорожником стоял "Патрол", а слева тарахтел трактор, заталкивая поддон с массивными зелеными тюками в просторный гараж. Тут же рядом стояла и "воровайка". Хорошо устроился Айземан, нечего сказать. Кому война, а кому мать родна.

Сам хозяин уже спешил пожать руку Морде, не забыв при этом обматерить кого-то из своих, все еще не закрывшего за гостями калитку.

Не теряя времени, вся наша группа загрузилась в кузов "воровайки", где была замаскирована брикетами спрессованного кизяка. Из дельцов с нами поехал только второй сын хозяина Гарик – хорошо сложенный тридцатилетний парень с кудрявой черной шевелюрой и бородкой с усиками, а-ля мушкетер. Собственно, он и сел за руль.

По дороге нас трижды останавливали на блокпостах, и еще однажды тормознул патруль. И каждый раз все мы хватились за оружие. В принципе еще утром Морда отработал с нами такую ситуацию, и каждый знал, что ему делать, если

нас вскроют, но нервы-то – они не железные. Однако каждый раз все обходилось. Подозреваю, что обходилось Гарику в некоторую сумму цветных евриков.

Грузовик приткнули недалеко от бывшей овощебазы, где теперь находился склад, в небольшом тупичке возле единственной в Никольске бензоколонки. Впрочем сейчас она была заброшена, как и многие другие поскольку просто так без прикрытия банчить таким ходовым товаром, как бензин, сейчас было чистым самоубийством, и горючку нынче всеми правдами и неправдами добывали либо на хорошо охраняемых базах миротворцев, либо у них же, но уже непосредственно "с колес" на железнодорожных станциях, так же хорошо охраняемых.

Дабы Гарик не сдернул раньше времени, Морда заставил залезть того в кузов и оставил с ним Самореза. Но потом командир в задумчивости поскреб подбородок, незаметным движением извлек откуда-то "браслеты" и пристегнул ими младшего Айзмана к балке крана. Гарик открыл было рот, но покосившись на Морду, поглаживающего ствол своего "Винтореза", предпочел промолчать.

– Извини, партнер, что немного нарушил условия нашего договора, но у меня все люди наперечет. Не могу я себе позволить такой роскоши, чтобы один из моих с тобой тут прохлаждался.

Возле самого объекта мы разделились на две группы: одна через огороды частного сектора просочилась к калитке в

противоположной стороне территории склада, Вторая взяла в клещи ворота вместе с КПП.

Слева от въезда высилось полуразрушенное двухэтажное здание бывшей заготконторы, которое оккупантам по уму вообще-то надо было обрушить, потому что со второго этажа хорошо простреливался весь пятачок перед воротами, включая одноэтажное здание бывшей СЭС напротив. Теперь там было что-то вроде казармы для охранников. Но службу здесь тянули деревенские дурачки из-под Плоешти – небольшого городка в Румынии. Вон часовой и автомат-то они держит, как уборщица швабру. Ни разу не служившее сельпо.

Я тут же прикусил губу. Сам-то давно ли из офиса откинулся Рэмба клавиатурная?

В заготконтору мы с Мордой и Витамином проникли через окна первого этажа противоположной от КПП стороны здания, благо стекол в рамах давно уже не было, а в некоторых проемах не было и самих рам. В самом здании царил хаос, как это бывает, когда какой-либо дом сначала распотрошат мародеры, а потом там случится пожар от не затушенного костра.

На лестнице мы наткнулись на следы снятой растяжки, а из дверного проема самой удобной для наблюдения за противником комнаты торчала полусогнутая нога, обутая в 'Коркоран'.

Этого еще не хватало!

Хотя к подобному мы были готовы. Морда сделал знак,

что пойдет первым и поднял свой 'Винторез', а мы примкнули к автоматам штык-ножи.

Стараясь осторожно ступать на замусоренный пол, и прикрывая друг друга, проникли в помещение, где нам и открылась картина произошедшего: в противоположном от входа углу на куче битого кирпича корчился, держась за живот, молодой парень в грязном, поношенном камуфляже и утепленной солдатской кепке. У двери же лежал румынский часовой. Второй, будто задумавшись, обхватив автомат обеими руками, сидел опершись о стену рядом с левым окном и глядя тускнеющими глазами куда-то перед собой. Похоже, он и не заметил, что его убили. Автомат того, что валялся у двери лежал на снятом рюкзаке. Этим оружием покойник воспользоваться не успевал, и поэтому орудовал ножом.

Мы с Витамином по приказу Морды метнулись проверять остальные помещения, а командир вколол парню промедол и наложил повязку. Хотя, судя по всему, тот уж не жилец – перед тем, как сдохнуть, румын расплосовал ножом бедняге все брюхо. Кровищи натекло...

Драма разыгралась перед самым нашим приходом, вон из-под часового кровушка только-только начала вытекать. Недалеко от парня, на полу валялся пистолет. (Я в оружии тогда особо не разбирался, но как потом сказал Морда, забравший его себе, это был бесшумный СПС)

Наверху никого больше не оказалось, но едва мы заняли позиции возле окон и заметили возле ворот, аж целый БТР с

башней, повернутой в нашу сторону, тут же началась стрельба. Лупили из двух автоматов откуда-то из-за здания СЭС.

Увидеть броню мы никак не предполагали. У нас даже завалящего 'вампира' не было, а если эта зараза начнет по нам шарашить с тридцати метров, никакие стены не помогут.

Морда открыл рот, чтобы дать приказ отходить, но в этот момент по бэтру опять же со стороны СЭС жажнули из гранатомета. Бронированная туша содрогнулась от взрыва, но не загорелась. Башня БТР повернулась в сторону стрелявших, но как-то очень медленно. Наверное, от выстрела из РПГ-29 был поврежден электропривод. Спустя долгих пять секунд бабахнул КПВТ. Морда с Витамином за это время скатились вниз по лестнице, оставив меня наверху сечь поляну.

На БТР открылся люк, и вместе с клубами дыма оттуда вывалился один из румын, но он тут же был срезан короткой пулеметной очередью. Это с крыши здания бывшей СЭС работал Баклажан. Триплекс, устроившись там же в провале слухового окна, из своей снайперской винтовки завалил обоих обитателей КПП и еще кого-то на территории склада.

Всего этого я не видел, потому что выцеливал еще одного гражданина, залегшего в неумело отрытом окопчике. С первой очереди удалось лишь потревожить кучу грязи, которую они считали бруствером. Со второго попал румыну прямо в хребет. Тот сразу выгнулся и засучил ногами.

Краем глаза я увидел, как Морда выскочил из окна первого этажа, кинул гранату в открытый люк бронетранспор-

тера и откатился в сторону. Во чреве броневика бумкнуло, и из люка опять попер дым. Башенный пулемет больше не стрелял, но свое черное дело он, похоже, сделал. Двое незнакомцев, что первыми открыли огонь по охране склада, и тем самым нарушили наши планы, были изуродованы крупнокалиберными пулями до неузнаваемости. Тот парень и они, больше никого кроме нас и дохлых румын на складе не было. Скорее всего они все-таки успели кому-нибудь сообщить о нападении, но пустыми уезжать было запаadlo, и пока я, Баклажан и Триплекс лежали на своих позициях и пасли уходящую влево и в право от бывшей овощебазы улицу, остальные загружали подогнанную Витамином 'воровайку'. Благо с краном дело шло быстро.

Но мы не успели. Со стороны высившегося за небольшим сквером пятиэтажного кирпичного здания общежития на огонек спешило десятка три местных полицаев. Они растянулись в цепочку вдоль тротуара и еще на ходу открыли огонь по мне и маячившему на крыше СЭС Баклажану. Прямо в торце оконного проема, недалеко от моей башки неприятно дзынкнули пули. Пыль и кирпичная крошка осыпали лицо. Левый глаз защипало. Пока тер его тыльной стороной ладони, начал короткими шпарить Баклажан и методично бахать их своего карамулькута поддержавший его Триплекс. Наконец, я проморгался, и мой 'калаш' влился в общий нестройный хор.

К этому времени из ворот выкатилась 'воровайка', а за

ней, как пехота за танком, выбежали остальные.

Не знаю, попал ли я в кого-нибудь за те десять минут, что продолжался бой, но движения там внизу явно поубавилось.

Хранить радиомолчание больше не имело смысла, и сквозь мат-перемат я услышал, как командир дает команду общего сбора, а это значило, что мне придется покинуть мое укрытие и бежать на простреливаемый со всех сторон пятячок у ворот.

– Командир Саморез.

– Слышу тебя. Говори.

– Справа еще грузовик. Как там у вас?

– Понял тебя. Щас все будет.

– Триплекс, за деревом возле трансформаторной будки большой 'Калашник' головы поднять не дает. Разберись.

– Ща прищучим.

Досаждавший Саморезу пулеметчик уткнулся лицом в землю, и Вова, привстав на одно колено, выстрелил из подствольника. Граната рванула прямо у ног одного из кавказцев, вскочившего, чтобы перебежать на другое место. Он как-то смешно подпрыгнул над вспышкой и рухнул на мерзлый асфальт. И тут же чередой разрывов накрыла обороняющихся, будто духи вспомнили, что и у них есть подствольные гранатометы и разом выстрелили. Но нет, это заработал АГС, установленный в кузове подъехавшего грузовика. Только чудом никого не зацепило.

Я, например, пристроив 'своего' покойничка, обустроил-

ся в том самом мелком окопчике. Но какая-то тварь там, на той стороне видимо заметила мой маневр и начала прицельно лупить именно поэтому никудашному укрытию. Первая очередь прошла совсем рядом, выбивая комья мерзлой земли и щепки из прикроватной тумбочки, служившей охранникам стулом. Я вжался в землю и увидел, как к нашему доктору Церетели прилетела ручная граната.

А это совсем рядом!

Соплями расплавленной пластмассы потекли длинные секунды, но наш эскулап прошел третью кавказскую, и его такими финтами не испугаешь. Он откинул РГОшку (слава богу, не в мою сторону) и откатился ко мне, больно заехав локтем в нос. Все предназначавшиеся нам осколки достались моему жмурику.

– Что больно? – участливо спросил Церетелли, видя, как я потираю нос. – Ничего. Сам сломал, сам и починю.

– Да вроде не. – Прогундосил я.

И тут взревел дизель бэтра – это Морда уселся на место механика-водителя и ему удалось воскресить зверюгу. Баклажан тоже уже был там. Он и угостил из КПВТ заседающих полицаев.

Другое дело. Под прикрытием бронетехники как-то веселее воевать. Особенно с теми, у кого ее нет.

Крупнокалиберный пулемет разметал по обочине и без того уже поредевшую цепочку духов, а потом Баклажан перенес огонь на грузовик, на котором к нападавшим приехала

подмога.

Брызнули осколки лобового стекла, а гранатометчик кубарем скатился с кузова. Как-то резко наступила тишина.

Я попытался встать и обнаружил, что ноги меня едва слушаются. На полусогнутых прошкондыбал мимо «воровайки», под которой сидел и выл от страха Гарик Айземан. БТР чихнул черным выхлопом, проехался вдоль улицы, остановился и сдал назад.

– Все на броню. Саморез, цепляй драндулет с барахлом. – Послышался голос командира в наушниках. – Сваливаем.

Я сделал два глубоких вдоха и пошел посмотреть насчет трофеев, и тут же пожалел об этом. В «Сталкера» в детстве переиграл придурок.

Постоял бы вот так на месте такой мясорубки, среди изуродованных останков, еще недавно бывших смеющимися, трусившими, выпивающими, мающимися от безделья или, наоборот, чем-то увлеченными человеческими организмами какой-нибудь виртуальный вояка. Ага. Теперь это только грязные кучи тряпья, пропитавшиеся густой темно-красной субстанцией. Через рваную 'цифру' выпирают розовые осколки ребер. Раскroенные головы с их содержимым вперемешку липкой грязью, вспоротые животы с внутренностями, которые пытаются удержать внутри коченеющие руки. Ступни, кисти, глазные яблоки... прямо на дороге...

Я отошел к бронетранспортеру и согнулся пополам. От-

плевашишь, полез в десантный люк.

Хрустнул под колесами лед, затянувший лужу на обочине, и, медленно вращая башней, грузно качнувшись над одной из выбоин, на середину улицы выехал теперь уже наш бэтр с прицепленной сзади «воровайкой». Шестеро грязных уставших бойцов и обоссавшийся от страха Гарик в десантном отсеке, командир за рулем и Баклажан у пулемета. В прицепе никого.

Поехали.

С Гариком рассчитались только под вечер. Весь день проторчали в полуразвалившемся сарае, в заброшенной деревне в пятнадцати километрах к северу от Никольска. До нее тащили «воровайку» на жесткой сцепке за БТР через поля, канавы и огороды. Подвеска у симпатичного 'Мерседеса' теперь, конечно в говно. Ну да все равно грузовик у склада засветился, и, если Айзман не идиот, постарается от него избавиться. Хотя запросто могут найтись добрые люди, которые за денежку малую укажут пальцем на барыгу. Тут все друг друга знают. Шила в мешке не утаишь. Среди тех же полицаев в Никольске запросто найдутся те, кто видел «воровайку» на родном из блокпостов. Я бы на месте Айзманов сворачивал свой бизнес к едрене матери и уезжал отсюда.

Но во всех своих бедах, между прочим, этот чмырь виноват сам. Похоже, после того, как наши договорились с ним об этом деле, он слил склад еще кому-то. Жадность фраера сгубила, и теперь треть обмундирования (а это больше двух

сотен комплектов) не окупит потерю грузовика. Плюс возможны серьезные проблемы с оккупационными властями.

Кто такие и откуда те четверо парней, что помешали нам сделать все по-тихому, выяснить так и не удалось, потому что, когда Витамин после боя поднялся на второй этаж, тот парень с распоротым животом уже умер. К тому времени на самом складе одна за другой рванули две заминированные бочки с бензином, и угол бывшего овощехранилища охватило пламя.

Пусть теперь мерзнут гады!

Это Саморез постарался, пока мы отбивали первую атаку полицаев, он вместе с Церетели и Витькой Скорым отправили на тот свет двух отдохавших внутри склада охранников, закатили вовнутрь бочки и присобачили к ним тротилловые шашки. Что-то такое мы планировали заранее, потому что было ясно, все вывезти все равно не удастся.

А потом Саморез заминировал несколько трупов. Это уже я видел собственными глазами.

Не теряя времени даром, мы устроились в десантном отсеке и под самым БТР, который въехал в сарай, проломив вместе с воротами и часть стены. Грузовик тут тоже поместился. От крыши осталась одна видимость, ну да мы в сарае не от дождя укрывались, а прятались. Страшнее всего было возле самого Никольска. Я ехал, вжав голову в плечи. А ну как появится беспилотник, а за ним следом 'Апачи'? И обновки примерить не успеешь. Так и закопают в старом гряз-

ном бушлате.

В сарае переоделись таки, в сухое и новое.

Я сидел, поглощал какой-то быстрорастворимый супчик и смотрел, как Церетели меняет повязку Скорому. Зацепило, значит. Вроде по касательной, а все равно морщится.

Скорый, кстати, – это не кличка, а фамилия у него такая. Прозвища в отряде у каждого не для понтов или подколок, а как радиопозывной. Вот кроме всех ранее перечисленных, есть в нашей ячейке еще один снайпер – Вова 'Чемодан' Моностырский. Самореза зовут Олег Домианиди. Потомок греков, осевших в Абхазии. Почему Саморез не знаю. Иногда прозвище так приклеится, что по имени-фамилии больше не зовут. Я вот только сейчас узнал, что Церетели зовут Саша Полейко. А вот прозвища Пашки Борзыкина пока не знаю. Вернемся, надо будет спросить. Отца его уважительно кличут Старый, а деда дедом и называют.

Поспать толком не удалось. Только сомкнул глаза, и тут же открыл их. Три часа как не бывало – моя очередь заступать на 'фишку'. Моя и Триплекса.

Минут сорок сидели в полной тишине. Мишка сам по себе парень молчаливый, а тут еще положение обязывает. Как ветеран нашей партизанской банды он не может при мне, новичке, точить лясы на боевом посту. Блюдет.

Ему-то что, сидит, развлекается, в оптику свою окрестности рассматривает. А мне невооруженным взглядом из-за

опустившегося с небес тумана даже опушку ближайшего леса толком не видно. Вот и сижу, ежусь и прислушиваюсь ко всяким мне, городскому жителю, непонятным деревенским звукам.

Вот где-то за деревней в болотах гугукает выпь. Или это угод? А они что, на зиму на юга не улетают?

А вот будто скрипнула калитка. Я чуть не подпрыгнул, а Триплекс сидит себе спокойно, соломинку жует. Значит ничего страшного.

– Ставня третий дом на семь часов. – Сказал Миша, заметив, что я задержался.

– Угу. – Буркнул я, но сам еще минут пять продолжал таращиться в ту сторону.

Слава богу, еще через пару минут к нам на чердак заброшенного дома, где мы устроили свой наблюдательный пункт, залез Скорый, который никак не мог заснуть. Рана дергала.

– Дай поглядеть. – Протянул руку он к Мишиной винтовке.

– Не в цирке.

– Да ты, Мих, не Штайн, а Зильберштайн какой-то. – Хмыкнул Витька.

– Да подавись ты, губастый. – Обиделся Триплекс. По всему было видно, что он бы итак, покочевряжившись немного для порядку, разрешил Скорому взглянуть в оптику, а сейчас и вовсе надулся и будто бы совсем потерял интерес к своей винтовке. Очень уж не любил наш снайпер, когда его по-

волжского немца причисляли к сынам израилевым. Я ждал от Триплекса дежурной шуточкой про ботокс (губы у Витька действительно были самым заметным местом на его лице – их будто накололи) и их дальнейшей пикировки, но Скорый, получив желанную игрушку, принялся разглядывать кривую деревенскую улочку, а Штайн прислонился к покрывшейся плесенью стенке чердака и ушел в себя.

– Хошь? – Скорый протянул мне винтовку. Я покосился на медитирующего Триплекса, осторожно взял СВД за ложе и подошел к пролому в крыше. Для НП наши парни выбрали дом, стоявший чуть в стороне от других построек. Выбор удачный еще и потому, что через два пролома и два небольших окошка хорошо просматривалась и деревня и огороды справа и опушка леса, и поля, уходившие за горизонт. Обзор на все четыре стороны. Как только мы сюда вошли, Триплекс уселся в глубине чердака у стены напротив большого пролома ближе к правому от входа окну. Я сел наискосок от него. Таким образом, мне досталось поле и огороды, Мишка соответственно контролировал деревню и лес. Вот поле я и принялся рассматривать, не став при этом ничего крутить на прицеле. Нафиг, нафиг. Строну чего, потом Триплекс по шее надает.

А и так все отлично видно. Вон с одинокой березы сорвалась ворона и чешет куда-то по своим вороньим делам, а вон на пригорке стоит брошенный трактор, с пулевыми отверстиями в лобовом стекле. А вон...

– Че-то едет. – Я отскочил от пролома, как будто меня могли заметить из едва различимых бронетранспортеров.

– Морда Триплексу.

– На связи.

– Наблюдаю пять коробочек три километра на юго-запад.

– Принял. Продолжай наблюдение. Будут приближаться, семафорь.

– Принял.

Колонна миротворцев так и проследовала в сторону Ребровки, не заинтересовавшись уже зачищенной Мокрой Полянкой. Только рукотворное насекомое ASIF прожужжало мимо нашего убежища, ненадолго зависнув возле сарая с основной группой (я за эти пять-десять секунд так разнервничался, что изжевал все губы), и сорвалось с места вслед за колонной американской брони.

То, что это были америкосы, я не сомневался. Только они могли себе позволить такие игрушки.

Каким образом Гарик доволокет свою покоцанную колымагу до папаши никого из нас не интересовало. Однако здраво рассудив, что если незадачливого комерса срисуют здесь еще до того, как мы успеем добраться до родного леса, то и нам крышка, Морда решил отбуксировать «воровайку» в Кивлей, как только стемнеет.

Все прошло гладко, но под конец нашей вылазки настроение нам все-таки испортили. Тот схрон, к которому мы изна-

начально выдвигались, был вскрыт и опустошен. На дне воронки валялись лишь пустые консервные банки, окровавленные бинты и разорванные упаковки из-под сухпая. И растяжек не оставили. Видимо торопились.

Морда решил засаду здесь не оставлять. Понятно, что никто сюда уже не вернется.

Бронетранспортер оставили в трех километрах от этого места, замаскировав его в овраге, которым закачивалась уже начинавшая зарастать молодыми деревьями не широкая просека. Следы на ней от бэтра ликвидировали, как смогли. Шмотье же навьючили на лошадей, которых перегнали сюда из-под Рундейки, где их пасли деревенские пацаны.

Лошадь теперь для нас, для партизан – наипервейшее средство передвижения по лесу, а главное – единственная автономная тягловая сила. Проходимость сто процентов, и утащит на себе во много раз больше чем человек. Спутники и беспилотники караван из навьюченных лошадей, конечно, могут засечь. Ну, так они и пешую колонну тоже обнаружат запросто, если кто инфу сольет. А так стая волков, выводок диких свиней или те же лоси...

В общем уже к утру мы были дома. Злые, уставшие, но целые и почти невредимые. Банька, гречка с тушенкой и тюфяк – это все, что нам было нужно.

10.11.2024 г. Москва.

«Хьюман Райтс Вотч» ранее уже осуждала группы русско-

го сопротивления за систематические нарушения международного гуманитарного права – похищения и нападения на гражданских лиц и сотрудников гуманитарных организаций, взрывы бомб на рынках, вблизи мечетей и в других гражданских районах. «Хьюман Райтс Вотч» считала и считает, что ответственные за эти нарушения, в том числе лидеры групп сопротивления, и в случае их захвата, они должны быть после соответствующего расследования привлечены к уголовной ответственности за нарушение законов Центральной Северной России и законов и обычаев войны.»

«Власти Кувейта объявили о намерении оказать финансовую помощь властям Центральной Южной России в размере ста семидесяти семи миллиона амеро. Об этом сообщил глава переходного Национального совета ЦЮР Мустафа Юнусбек Нияз в ходе пресс-конференции», – Передает Би-би-си.– «По словам М.Ю. Нияза, новому правительству молодой республики сейчас необходима финансовая поддержка, которая позволит платить зарплату сотрудникам территориальной полиции и контртеррористических подразделений, что существенно укрепит безопасность и будет способствовать укреплению демократии в регионе.»

Лондон. Агентство «Рейтер»: – «Маленькие дети подвергаются сексуальному насилию в зоне действий русских повстанцев, – Сообщили в субботу британские правозащитники. Сотрудники организации «Спасти детей» сообщили, что

около пятисот детей из шести временных лагерей в зоне, контролируемой правительственными силами, были опрошены по поводу изнасилований и убийств, совершенных в течение последних четырех недель в Астрахани, Владимире, Нижнем Новгороде и Вологде.

По словам Марти Майлза, проводившего собеседования, семьи и дети говорят о «солдатах», совершавших нападения, но он не может уверенно сказать, какую сторону они представляли. Он сообщил, что, как рассказывают матери семей беженцев, несколько групп из четырех-пяти девочек в Астрахани были похищены, и их насиловали четыре дня, прежде чем отпустить. Кроме того, в той же Астрахани восьмилетняя девочка была изнасилована в присутствии ее братьев и сестер. Как утверждает Майлз, сообщения о сексуальном насилии над детьми не подтверждены документально, но их очень много.

«Эти истории, услышанные нами в лагерях, слишком одинаковы, – сказал он корреспонденту Рейтер. – Я совершенно уверен, что это правда».

По его словам, насильники не пренебрегают и взрослыми. Дети рассказывают, что их отцов убивали на их глазах, а затем насиловали матерей, после чего били и насиловали их самих.

Неправительственная организация «Спасем детей» сообщает, что, по крайней мере, триста детей и шестьдесят взрослых, вероятно, подвергались сексуальному насилию и стали

свидетелем изнасилования своих семей в лагерях беженцев в Ставрополе.

НПО заявила, что, хотя не может подтвердить показания пострадавших, сумевших бежать из зон боевых действий и ныне находящихся в лагерях для перемещенных лиц, – тем не менее, обнаружены совпадения в отчетах и показаниях свидетелей.

В частности, одна из матерей рассказала, что ее дочери были похищены и четыре дня подвергались изнасилованиям, а затем были отпущены в полубезумном состоянии. Советник организации «Спасем детей» Марти Майлз подтверждает, жестокое обращение с детьми «является фактом во всех республиках, которые мы посетили: в Центральной Южной России, Западной Южной России, Западной Северной России и Восточной Северной России.»

«Дети сказали нам, – говорит он, – что стали свидетелями ужасных сцен. Некоторые из них видели, как убивали отцов и насиловали матерей. Они рассказали, что это же произошло с другими детьми, но многие слишком травмированы, чтобы рассказывать о пережитом подробно. Это общий психологический признак для детей, ставших жертвами таких злоупотреблений». Майлз рассказал также, что многие дети отказываются играть, плачут по ночам, не спят и вообще проявляют признаки серьезного психического расстройства.

НПО призвал «международное сообщество позаботиться о том, чтобы все стороны уважали права детей и защитить

их от насилия и жестокого обращения».

ОЛЕСЬ ШТЕПА

12.11.2024 г. Пенза.

Вчера на трассе Пенза-Саратов совершенно случайно перехватили крупную партию героина. Тридцать килограмм. Ловили беженцев, что угнали из лагеря из-под Петровска два автобуса. Просто перекрыли шоссе. Этого хватило, чтобы не выдержали нервы у дагестанских полицейских, что сидели в мчащемся к нам на скорости под сто километров внедорожнике с мигалками. «Ровер» резко затормозил, его развернуло на сто восемьдесят градусов и повело вбок к обочине. Там он и завалился. Один из троих его пассажиров просто сломал шею. Второй ногу, а третий... с третьим не понятно что. Он сразу вылез и задал стрекача. Никто его ловить не стал, конечно.

Этой находкой ООНовцы серьезно осложнили себе жизнь. Теперь жди гостей из аула. Труп, калека и мешок с героином. Такого южане им не спустят. Могут начаться подрывы, похищения ООНовских чиновников и просто восстание. Такое уже бывало и не из-за таких происшествий. Как-то один аул три дня стоял на ушах, потому что в него так некстати заявила какая-то инспекция, помешав какому-то их там намазу.

Украинцев, конечно, это касалось в меньшей степени, но фугасу все равно, есть ли на машине голубой флаг и буквы «UN» или нет.

Олесь Штепа поежился и полез обратно в теплый МРАП. С утра выпал снег. И хоть теперь к обеду он уже растаял, холодный восточный ветер забирался под разгрузку, выдувая тепло, накопленное в броневике.

И как это русские тут жили все это время? Штепе снова захотелось домой. За последние несколько дней на него опять накатила депрессия. Регулярные встречи с психологом уже не помогали.

Сам Олесь точно не мог определить причину расстройств. К обстрелам и подрывам он не то чтобы привык (к такому в принципе невозможно привыкнуть), а как-то сам себя уговорил, что с ним ничего плохого случиться больше не может. Дважды бомба в одну и ту же воронку не падает, а тогда при разгроме колонны миротворцев Штепа здорово натерпелся.

Условия жизни, конечно, не самые комфортные, но скоро укрбат переедет на гигантскую коалиционную базу «Лейтон», что раскинулась почти на километр рядом с бывшим гражданским аэропортом Пензы. На их же место в здание школы заселятся «территориалы». Сейчас их ряды растут и ширятся, потому что платить стали больше. Правда, убивать стали тоже больше, но когда это останавливало кавказцев или скажем тех же киргизов?

Кстати в ООНовской полиции парни из Киргизии тоже были. Двое. Но именно что из Киргизии, тогда как в территориальную полицию набирали народ из местных диаспор.

Так вот эти двое, Нурлан и Тахир, уже полгода тут, и успели накопить деньжат ровно на поездку в штаты и обратно. Визы не дали. Иммиграционный офицер сказала, что они оба «из зоны с повышенным иммиграционным риском».

Вот и проливай потом кровь за Америку...

Может, поэтому и колбасило Штепу. Казавшаяся раньше четкой и ясной перспектива теряла свои очертания под гнетом новых жизненных обстоятельств. У Олесья сложилось впечатление, что он участвует в каком-то грандиозном лохотроне, где обещанный главный приз, в виде американского гражданства, никто и не думает вручать победителям. То есть с самого начала это было ясно, и все кроме Штепы об этом знают. Кто-то смирился, кто-то договорился об особом статусе за спинами других. Но главное, все с жалостью смотрят на него, дурачка из хорошей киевской семьи.

Это конечно ерунда, но отделаться от такой мысли Штепа не мог. Паранойя, сказал бы его психиатр. Но психиатру Олесь этого не рассказывал по той причине, что ему казалось, что тот уже в курсе и в тайне посмеивается над Штепой.

13.11.2024 г. Пенза.

На новую базу местные проводили их «достойно». Случи-

лось это, скорее всего, из-за того, что английские гренадеры уже свернули свой комфортный городок, что еще летом обустроили на бывшем школьном стадионе и соседнем пустыре. Они первыми перебрались на «Лейтон». Остальные только собирались.

Рабочий день у Штепы в пятницу тринадцатого (вот уж станешь тут суеверным) начался рано. Ему и дознавателю из Непала Санкату Салифу, с которым Олесь работал в паре, на планшет скинули распоряжение, касающееся всех работников ООН, привлеченных к полицейской операции «Внезапный прогресс». Для штатных сотрудников всех анти-террористических подразделений все подробности их участия в операции должны были разъяснить на стандартном еженедельном брифинге, что состоится послезавтра. Поэтому Штепа и в ус не дул. Но внештатников оказывается, это не касалось. Им следовало прибыть в штаб уже сегодня сразу после завтрака. И прибыть не с пустыми руками и головами, а с разработанным планом на ближайшую неделю. В планах еще и конь не валялся, поэтому Олесь забился в свой угол в казарме и под шуточки бойцов укрбата насильно валил свой планшетник.

На будущей неделе ему предстояло много работы. Помимо нескольких допросов и как всегда неожиданных, но обязательных выездов по вызовам нужно было пообщаться с местными телевизионщиками. У них было свое задание от администрации – снять несколько рекламных роликов и

жизни в республике Центральная Восточная Россия и Штепу тоже припахали к этому.

Ну и хорошо. Всегда полезно крутиться в поле зрения большого начальства.

Как в этот распорядок впишутся мероприятия по «Внезапному прогрессу» было непонятно, но график все равно нужно составить.

Завтракать Олесь отправился едва ли не в последнюю смену. В столовой с отъездом бриттов итак было не столь многолюдно как обычно, а сейчас и вовсе волна самых голодных схлынула, и возле длинной раздаточной стойки стоял только венгерский капрал, несколько индонезийцев и похожий на своего бывшего, ныне покойного, лидера Саддама Хусейна усатый иракский офицер. В зале из полусотни столиков заняты были, дай бог, с десяток.

Штепа взял поднос, подошел к полкам с салатами и в этот момент за окном, совсем недалеко, что-то сверкнуло, негромкий вроде бы хлопок, и по ушам шарахнуло звоном разбивающегося стекла. Их одновременно лишились все окна. Сидевшая к ним ближе всего группа иракцев приняла на себя изрядную дозу стеклянного крошева.

Скрип тормозов, и вот уже метров с тридцати, через образовавшийся в бетонном заборе пролом от РПГэшного взрыва работает крупнокалиберный пулемет.

Штепа выронил поднос и плюхнулся на живот. Его тут же

осыпало бетонной крошкой от колонны, что была совсем рядом. Над головой плясали под пулями алюминиевые тарелки с закусками, чуть дальше взвизгивала рикошетами массивная посудомоечная машина и по всему залу медленно поползли клубы известковой взвеси.

Олесь ползком добрался до края раздаточной стойки (благо было недалеко) и нырнул за нее. Одна из крупнокалиберных пуль разорвала бок какому-то баку с кипятком, что находился в правом углу, и теперь облако пара перемешалось с пылевой завесой.

Штепе прямо на щеку свалился масляный салатный лист, а за шиворот капустно-морковная стружка. Справа, гремя посудой, со стойки мешком рухнуло чье-то тело. Завыл, схватившись за обрубок руки тайваньский повар. Но через несколько секунд вой оборвался, азиат потерял сознание.

Еще два раза бахнуло. Похоже, в столовую закинули пару гранат. Потом стрельба прекратилась. Взревел мотор, и наступила звенящая тишина.

Подняться из-за стойки Олесь рискнул не сразу. Только текущая в его сторону кровь из-под убитого индонезийца заставила его пошевелиться. К этому времени сквозь раздолбаные проемы окон в столовую начали заглядывать бойцы разных батальонов. В основном украинцы и венгры. Иракцы и индонезийцы храбростью никогда не отличались. Последних вообще не было видно, а арабы как всегда бестолково носились сбоку от здания бывшей школы и громко лопота-

ли по-своему, подойти ближе к окнам столовой, впрочем, не решаясь.

Штепа стряхнул с себя остатки салата и медленно, стараясь не угодить ногой в лужу смешавшегося с кровью компота или не напороться на крупный осколок, направился к выходу, затравленно озираясь вокруг.

Пулеметчик натворил дел. Иракскому офицеру сразу снесло затылок, индонезийца, что лежал рядом с Олесем, первой пулей бросило на стойку, а затем смело с нее следующей очередью. Потерявший много крови бедняга тайваньский повар тоже умер. Несколько человек в зале порвало чуть ли не на куски. А вот группа иракских миротворцев, которые сидели ближе всего к окнам и к которым так и не успел присоединиться неудачливый офицер, почти не пострадала. Только лица и руки посечены стеклянными осколками.

Штепа словно сквозь пелену видел перекошенные от страха лица сослуживцев, их раскрытые рты. Но слух к нему все еще не вернулся, поэтому, что они кричали он так и не узнал.

Его больше поразило другое – как-то спокойно перенес он это нападение и, можно сказать, практически не испугался. Не встал как вкопанный, а укрылся. Точно как и он, там, в столовой, поступил только венгерский капрал. Но тот еще и открыл ответный огонь. Это Олесь видел, но у самого него оружия не было. А то может быть и он стрелять начал.

В штаб Штепа попал только к вечеру. До этого он около

часа просидел, запершись в туалетной кабинке – желудок после всего пережитого дал сбой. Потом по приказу комбата часа два или даже три сочинял рапорт обо всем происшедшем. Хреново выходило, если честно.

В связи с нападением неопознанных диверсантов в городе усилили патрули и блокпосты американскими подразделениями. Как всегда, машут кулаками после драки. Тот же укрбат один мог отразить атаку не какого-то паршивого джипа с пулеметом в кузове, а целого подразделения мотопехоты. Если бы знали заранее. Вся фишка во внезапности.

Операция «Внезапный прогресс» была задумана под предстоящие в декабре выборы в Ассамблею Центральной Восточной России. За сто двадцать мандатов предстоит бороться более двум десяткам партий, но, по мнению специалистов, хорошие шансы победить есть только у исламской партии «Возрождение». Это если азербайджанская, чеченская, ингушская и дагестанская диаспоры договорятся между собой. А вот президента и премьер-министра ЦВР будет выбирать уже эта Ассамблея где-то весной будущего года.

Вообще ЦВР – это воплощенная мечта русских националистов – компактная русская республика европейского типа. Одна из девяти таких на территории бывшей РФ. А будет еще больше, когда удастся освободить Урал и Сибирь от этих повстанцев. Получат свою независимость башкиры с татарами, а так же многие народы Сибири. Русские тоже

в обиде не останутся. Но конечно это не совсем то, на что рассчитывали националисты, ну тут уже сами виноваты. Надо было решительнее брать власть в свои руки и приветствовать новую администрацию ООН, как это сделали кавказские и среднеазиатские диаспоры. А в рядах русских до сих пор раскол. Некоторые как лидер национал-демократов господин Колупаев давно и тесно сотрудничают с новой администрацией. Вон эти нацдемы даже в выборах принимают участие. А некоторые так и носятся по лесам со своими этими имперскими флагами. Да мало того, с повстанцами объединяются.

Штепа всегда считал идиотами этих родноверов, имперцев и прочих задвинутых на русских древностях и традициях. Вон кавказцы, и те показали себя большими европейцами, чем русские, и теперь активно строят новое демократическое общество в этих краях.

Олесь вышел на улицу. Санкат Халифу предложил подбросить до базы, но хотелось пройтись, развеяться после утреннего события. Да и идти недалеко. Единственное, докучает кавказская детвора. Не дает отвлечься, крутится под ногами и попрошайничает без устали. Все, что ни дашь: шоколадные драже, жвачку, колу, мелкие монеты – все мало.

Русские детишки в этом плане не такие. Они даже от организованной помощи отказываются.

Как-то поехала колонна с гуманитаркой в русский квар-

тал. (Такие кварталы кардинально отличаются от исламских. Настороженность во взглядах и бросающаяся в глаза нищета.) Так вот собранные возле частично сгоревшей библиотеки детки отказались принимать в дар ручки и блокноты с ООНовской символикой, а работники этой библиотеки не взяли великолепные книги на английском языке. Не хотят приобщаться к европейской культуре, что тут подделаешь. Все уже к этому привыкли. И если эти русские детишки ведут себя иначе – жди беды.

Вот пару недель назад два белобрысых мальчонки и одна девочка вертелись вместе со своими кавказскими сверстниками возле дислокации канадской миротворческой бригады. А на следующий день возле их КПП во время проезда бензовоза рванул прикопанный недалече фугас. Двенадцать человек погибло, еще сорок получили ожоги разной степени. Такие дела.

13.11.2024 г. Пенза.

Нью-Йорк. «Осудив смертельное насилие, Совет Безопасности ООН подтвердил приверженность идее мультиэтнического построения конфедерации независимых российских республик.

Состоящий из пятнадцати членов СБ ООН собрался на чрезвычайное заседание после кровавого двухдневного хаоса, устроенного боевиками русского сопротивления в Цен-

тральной Восточной России.

Основание многонационального, толерантного, демократического общества в стабильной Конфедерации независимых российских республик остается главным стремлением международного сообщества.

Насилие неприемлемо и должно быть остановлено немедленно. Виновные должны быть переданы правосудию. Преступники должны понимать, что атака на международное присутствие – это атака на международное сообщество в целом.

Экстремизму не место в будущей конфедерации»

14.11.2024 г. Пенза.

Оказывается, нападение было совершено далеко не на одну их базу. Опять подорвали канадцев. На этот раз ворота их базы протаранил грузовик со взрывчаткой. Какие-то, по-видимому, религиозные православные фанатики сожгли только что отстроенную мечеть. Обстреляли и миссию ООН в центре города. Так что им, можно сказать, повезло. У других потери были куда как существеннее.

Но Олесь был спокоен. У него определенно влиятельный ангел-хранитель. В который раз отвел все напасти.

Сегодня утром и укрбат и остальные подняли в три часа ночи. Еще с вечера начальство поставило на уши все технические службы. Были перелопачены гигабайты спутниковых

снимков и видеозаписей с беспилотников. Все до одной смены операторов носились как ужаленные по коридорам левого крыла здания бывшей городской администрации, здание которой сейчас делили миссия ООН и штаб миротворческой бригады.

И в результате все-таки выяснили, откуда и в каком количестве в город вошли русские боевики.

Тянуть не стали, и на ночном брифинге нам поставили задачу навестить кишлак, из которого вчера приехал тот самый джип, что обстрелял нашу базу. Минимум нужно было попытаться распросить местных, знают ли они, кто это такие были и откуда, а затем действовать по обстоятельствам. Шансы на успех были высокие. Все-таки вряд ли мусульмане будут выгораживать русских.

Через полчаса после брифинга, колонна вышла за пределы базы. На душе у Олеся было какое-то странное чувство. Не страха, нет, обреченности какой-то. Это – когда знаешь, что должно случиться что-то плохое, но сделать ничего не можешь. Причем случиться должно, слава богу, не с тобой. Ну, как во сне, когда на твоих глазах здоровый самосвал несется на твоего хорошего знакомого, ты протягиваешь к нему руку, чтобы выдернуть, пытаешься сделать шаг, а ноги увязли в неожиданно мягком асфальте.

Всю дорогу Штепа всматривался в темноту, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть. Несколько раз опускал окуляр и включал режим ночного видения, но за зеленой пеленой то-

же ничего.

Доехали неожиданно быстро. У поворота с трассы на аул стоял изрешеченный минивэн «Тойота», на которых теперь возят свои многочисленные семейства уважаемые люди в любой диаспоре. Даже в ночи можно было рассмотреть темнеющие с обоих его бортов огромные лужи крови. Чуть дальше на обочине колонну поджидало подразделение территориальной полиции. Это были кабардинцы и ехали украинцы в их родовое село Хуштосырт, раньше носившее русское название Александровка. Кавказцы хотели было пристроиться в хвост, но комбат взял пример с американцев и приказал кабардинцам встать в голову колонны. Их же потрепанный «Хаммер» отправили в головной дозор – все фугасы теперь его. Если они не радиоуправляемые конечно. Хотя с этим вроде бы все должно быть в порядке. HSMDS (Handheld Standoff Mine Detection System) исправно сканировала окрестности.

Не доехав примерно на пол клика до аула, остановились и расположили технику в шахматном порядке, сами выстроились в таком же. Вперед ушли разведчики. Два облета беспилотников не выявили никакой активности ни в населенном пункте, ни вокруг него. Даже собак не было. Первый лейтенант Цоротько еще раз проинструктировал необстрелянных новичков. Штепа слушал его в пол уха, всматриваясь в экран планшетника, на котором раз за разом прокручивал запись с беспилотников. Не нравилась ему эта мертвая пустота.

Разведчики тоже вернулись ни с чем. После этого платун Штепы разбился на сквады и охватил аул с северо-запада в полукольцо. С юго-востока тоже самое сделал второй платун, а еще два образовали второе внешнее кольцо. Так из Хушто-сырта никто не проскочит.

Прочесали аул вдоль и поперек два раза. Пусто. И тут один из осмелевших кабардинских «территориалов» нырнул куда-то в сарай и словно под землю в нем провалился.

Парни едва не перекрестились. Оказывается, под землю джигит и нырнул. Дмитро Кардаш, шапочно знакомый Штепе снайпер из второго платуна, заметил за разворошенным стогом соломы на половину, сдвинутую деревянную крышку люка, из-под которой раздавались радостные возгласы на незнакомом языке.

Оказывается, все жители аула укрылись в самодельных схронах. В этом сарае пряталась семья того самого «территориала». Если бы не кабардинские полицейские, украинцы так бы развернулись и уехали отсюда не солоно хлебавши. Кавказцы, еще в начале десятых годов, когда начали осваивать эти земли, дополнили архитектуру местных домов такими сооружениями как «зиндан» и схрон. И то, и другое было в каждом дворе и под каждым сараем. Сеть подземных сооружений за десятилетие разрослась, и теперь, например, из этого сарая запросто можно попасть на окраину аула. Почувствовал опасность, нырнул и был таков.

После некоторой суеты, связанной с радостью родствен-

ников полицейских, навстречу миротворцам вышел старейшина посёлка. Его вежливо препроводили к первому лейтенанту Цоротько. А тот уже по внутренней сетке связался с комбатом, так и не покинувшим мобильный командный пункт. Теперь кэп мог и сам, если что, задать вопрос старейшине. Благо переводчика не требовалось. Старые кавказцы по-русски трепались получше своей молодежи.

Пока шел допрос, из своих берлог кабардинцы перебрались в дома, и вот уже их женщины с подносами, на которых были несколько чашек чая и чайник, начали обходить солдат.

Олесь такое уже видел и смело взял дымящуюся чашку с какими-то золотистыми петушками на боку. Новички же этого делать не спешили. Лишь косились на Штепу и местных полицейских. Их можно было понять. Боятся, что отравят. Олесь поначалу тоже боялся.

Он пил чай и прислушивался к тому, что говорил старейшина. Оказывается, вчера примерно в это же время в Хуштосырт пешком тоже с разных сторон как и миротворцы вошли неизвестные. Это были русские. Все тепло одеты, все хорошо вооружены. Старосту и нескольких полицейских они застрелили сразу. Оставшихся двух сначала пытали, а потом тоже застрелили. Старейшина покажет. Ведь это важно для международного правосудия.

Затем русские сели в несколько полицейских джипов и уехали. Откуда пришли и куда уехали старейшина не знал.

Не знал этого и никто в ауле. Еще из подробностей: у кого-то из русских боевиков был спутниковый телефон и практически у всех коммуникаторы. Оружие у них в основном натовское. Лишь у некоторых калашниковы, но такие же новые, что раньше с трофейных российских складов выдавали территориальным полицейским. Это теперь им выдают румынские и болгарские калашниковы.

В принципе, как и следовало ожидать, выезд оказался мало-результативным. Не то, что захватить никого не удалось, так даже и на след напасть. Но все же кое-какие зацепочки появились. Описания «хуштосыртовских» боевиков совпадало с описанием русских боевиков, напавших на Пензу из других населенных пунктов. То же обмундирование, экипировка, вооружение и характер действий. Это не было уже похоже на безумные героические действия одиночек, большинство из которых к тому же были подростками. Работой профессиональных диверсантов повстанческой группировки это тоже быть не могло. Слишком далеко до зоны боевых действий.

К этим закрытым, в общем-то, данным Штепа получил доступ как переводчик. Комбату необходим был как оперативный перевод сводок из других подразделений, так и отчет о собственных действиях на английском языке для миротворческого штаба.

Поэтому Олесь узнал, что на срочно созванном брифинге

отмели и версию, что эти боевики никто иной, как дезертиры из русскоязычной территориальной полиции. В самом начале в ее ряды брали всех подряд. В том числе и русских. По оружию и экипировке вроде бы и похоже, но организация и профессионализм, с которым была исполнена вчерашняя акция... Нет. Те дезертиры-мародеры способны разве что грабануть какие-нибудь склады и толкнуть награбленное налево. Не более того.

Простимулировав информаторов, понатыкав по округе разведатчиков и занеся в базу данных убиенных полицейских и старосту, укрбат отбыл в свое расположение, где, едва скинув берцы и куртку, Штепа завалился спать.

17.11.2024 г. Пенза.

На трескучем морозном воздухе люди кутались в, нелепые для этого времени и места, яркие и некогда модные теплые пуховики, дутые пальто и облезшие шубы. Первый день, когда снег еще толком не лег на землю, но температура серьезно упала, и на замерзшей грязи обочин особенно гулко отдавались шаги подтянувшегося полицейского оцепления. Оно отсекало от мостовой уже приличную, начавшуюся собираться еще полчаса назад на Привокзальной толпу. Это были в основном пенсионеры, женщины и дети. Детей, впрочем, совсем мало. Кто-то сжимал в заочневших руках свертки с теплой одеждой, почти все свертки с продуктами.

Это чтобы как можно быстрее передать их своим, которых поведут из лагеря для перемещенных лиц, что располагался на берегу Большой Суры, на станцию Пенза-2, и там сразу погрузят в вагоны, чтобы отправить далеко на запад.

В русских кварталах города не то, что интернет, телевизор был только у каждой десятой семьи, да электричество подавали через четыре дня на пятый, поэтому старшие по улице просто расклеивали обычные бумажные объявления на стенах, заборах и столбах. Таким образом, миротворческая администрация дала знать жителям о том, что производится плановая ротация контингента лагеря для перемещенных лиц. По каким-то своим причинам миротворцы никогда не оставляли в этих лагерях граждан, задержанных на близлежащих территориях, а периодически отправляли их куда подальше. Взамен откуда-то привозили других. Поэтому у родственников практически никогда не было шансов подкормить и вообще чем-то помочь своим. Людей-то продолжали забирать, то за нарушение паспортного режима, то по подозрению в пособничестве терроризму, а то и просто зачищая ту или иную деревню.

И вот такая неслыханная щедрость. С чем это связано пензяки гадать не стали. Просто собрали последнее и пошли. Если есть возможность помочь своим (пусть совершенно чужим людям, но все равно своим), то нужно спешить. А своему родному брату, мужу или отцу тоже кто-нибудь где-нибудь тоже поможет. Мир не без добрых людей. Собирались

не только из русского гетто Пензы, но и из окрестных, еще не выселенных сел.

Впервые на обеих сторонах улицы заволновались, зашумели, когда какие-то пронырливые шустрые молодые люди начали буквально насильно пихать стоящим в первых рядах коробки с конфетами, искусственные цветы и какие-то красные флажки, перечеркнутые крест накрест белыми линиями. Как Андреевский флаг, только красный. Кто-то вспомнил, что это вроде бы как официальный штандарт Центральной Восточной России.

Еще больше народ напрягло то, что со стороны Пензы к толпе стали подходить празднично одетые ингуши, дагестанцы и чеченцы. У них в руках был все тот же набор из конфет, цветов и флажков. Кавказцы быстро смешались с толпой, значительно увеличив ее в объемах.

Нарастающий возмущенный гомон был заглушен звуками работающих моторов. Все стоящие впереди почти синхронно повернулись в ту сторону, а стоящие сзади начали прирывать на цыпочки, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть.

Наконец показалась процессия. Впереди ехал внедорожник с опущенным тентом, а в нем рядом с водителем стоял расфрахтовый, весь в каких-то аксельбантах и рюшечках офицер-миротворец. В руках он держал огромный, развивающийся на ветру флаг ЦВР.

За внедорожником ехали два броневика, похожие на боль-

шие утюги, затем еще два, похожие на гробы. У последних над корпусом вращались какие-то чудные надстройки.

За медленно ползущими броневиками маршировали миротворцы в новенькой, явно не полевой форме. И при всем при этом играла бравурная праздничная музыка. Это на ехавшем в конце колонны броневике были установлены вращающиеся динамики.

Толпа загудела, подалась назад, но неожиданно для пришедших сюда граждан, сзади она оказалась подперта еще одним полицейским оцеплением.

На несколько минут образовалась небольшая свалка, которую принялись снимать невесть откуда взявшиеся телевизионщики и многочисленные фотографы. Были тут и издавна известные пензенские блоггеры: кудрявый вечно веселый юноша «Сялт», специализирующийся именно на фоторепортажах, татарская активистка «Другая», в свое время прославившаяся борьбой с русскими националистами и блоггер «ВладимБ», наоборот непрерывно боровшийся за соблюдение прав русских, но почему-то исключительно под контролем войск НАТО. Круглое сытое лицо последнего так лучилось от радости, что впору икону писать.

Кавказцы тоже улыбались, махали флажками, бросали цветы миротворцам под ноги, протягивали им коробки с конфетами.

Остальные особой радости не демонстрировали. На их лицах читалась скорее растерянность.

Вот проезжая на броневике мимо пожилой женщины, державшей обеими руками двухлитровую банку с молоком, один из офицеров склонился над ней, взял банку и поднес к губам. Засверкали вспышки фотоаппаратов, забегал с камерой на плече молодой, но уже лысеющий оператор местного телеканала. Отличный кадр. Когда миротворец сунул женщине банку обратно в руки, она, все еще находясь в трансе от происшедшего, банку выронила, но этого уже никто не снимал. Стоящие сзади за оцеплением полицейские в штатском покрикивали на народ, чтобы он делился продуктами с миротворцами, иначе их самих отправят в лагерь для перемещенных лиц.

Колонна прошла, и мероприятие быстро свернули. Сразу куда-то растворились репортеры и блоггеры, как ветром сдуло разодетых кавказцев. И только замерзшая и обескураженная толпа разошлась как-то нехотя, будто все еще надеясь, что к станции поведут того, кого обещали.

17.11.2024 г. Пенза. Миссия ООН

– Этот парень сделал мне день. – Абдель Саллах шейх Мансур негромко, как-то бархатно засмеялся, поправил галстук, который он явно не привык носить, и откинулся от нетбука на спинку кресла.

На небольшом экране, тем временем все еще продолжалось слайд-шоу из фотографий со вчерашнего парада. Эти

кадры наводнили все газеты, новостные интернет сайты и ТВ каналы. В основном, конечно, республиканские и городские, но много чего попало и в мировые СМИ.

«Победное шествие демократии». «Русские выбирают свободу». «Центральная Восточная Россия ликует». «После холодной войны горячие объятия» – кричали заголовки.

– Восторженные жители Пензы приветствовали своих освободителей на ежегодном параде в честь дня независимости. – Вторили им комментаторы.

– Как зовут этого парня, вы говорите. – Поднял левую бровь глава миссии ООН в ЦВР. – Степа? Это имя или фамилия?

– Штепа, сэр. Олесь Штепа. – выгнулся дугой офицер по связям с общественностью капитан Мэтью Барроуз. – Он еще и в съемках рекламных роликов помог.

– Они великолепны. – Абдель Саллах шейх Мансур качнул головой. – Особенно мне понравился тот, где американский солдат ведет за руку девочку с плюшевым медведем. Только скажите, Мэтью, почему дети на всех роликах... мнэ-э-э... не совсем славянского типажа.

– Очень сложно заставить русских детей улыбаться, сэр. – Барроуз начал нервничать. – Взрослых можно, а детей практически нет.

– Ну это не важно. – Нахмурился глава миссии ООН. – Вернемся к Чепе. Будет в высшей мере несправедливо, если такой талант пропадет в нашей миротворческой рутине. Его

надо как-то отметить и поощрить. И если для этого парня у вояк не найдется достойной его работы, я готов рассмотреть вопрос о его дальнейшем трудоустройстве.

– Я займусь этим, сэр.

21.11.2024 г. Москва.

«Москоу Таймс»: – «Лидер повстанцев, который якобы вел секретные мирные переговоры с правительством Российской конфедерации, оказался на деле самозванцем. Об этом сообщает «Ройтер» со ссылкой на газету «Нью-Йорк Таймс». Ранее эта газета неоднократно сообщала о переговорах с «высокопоставленным представителем повстанцев». Однако выяснилось, что человек, называющий себя Сергеем Линьковым, и трижды встречавшийся с представителями НАТО и конфедератов, является не тем, за кого себя выдает.

Лже-лидер повстанцев встречался даже с президентом конфедерации Вадимом Житниковым. Его доставили на самолете НАТО в Москву и провели в кремлевскую резиденцию, – сообщила «Нью-Йорк Таймс», сославшись на свои источники. «Это не он», – сказал газете анонимный западный дипломат, который участвовал в переговорах в Москве. – «А ведь мы дали ему много денег», – добавил дипломат.

По данным «Нью Йорк Таймс», настоящий лидер повстанцев Сергей Линьков не покидал своей ставки на Урале.

Белый дом попросил журналистов не указывать имен

неназванного «одного из лидеров повстанцев и еще двух представителей русских боевиков, потому что это может подвергнуть опасности их жизнь и сорвать переговоры». Поэтому восемнадцатого октября издание со слов анонимного источника просто сообщило, что мирные переговоры включают в себя «всесторонние, лицом к лицу, дискуссии с командирами повстанцев».

Поток сообщений в прессе США и стран Европы со ссылкой либо на анонимные источники, либо на весьма сдержанные официальные заявления, на протяжении последнего месяца создавал впечатление, будто переговоры действительно проходят между представителями конфедератов и главарями повстанцев, при этом на высоком уровне и под эгидой НАТО.

Но после этого высокопоставленные представители властей конфедерации и НАТО сказали, что «переговоры» были не более чем первоначальными контактами между сторонами, которые продолжаются вот уже полгода. В контактах участвовали главный уполномоченный США по конфедерации официальный представитель госдепартамента США Джек Райбек и главный гражданский представитель НАТО в конфедерации Марк Чопорник.

Напомним, ранее главарь повстанцев Сергей Линьков полностью исключил возможность переговоров.

МИХАИЛ ГРИШИН

22.11.2024 г. Где-то в пензенской области.

Я сидел, втянув шею в воротник горки, и ковырял ложкой картофельное пюре, перемешанное с зеленым горошком, похожим на пластмассовый, как по цвету, так и по вкусу. Чемодан, только что смененный на фишке Триплексом, еще только разогревал карбидной грелкой свой паек, а БГ наоборот уже все схавал и выковыривал зубочисткой волокна безвкусного бифштекса.

– Я кажется, себе ногу до крови натер, – Пожаловался Паника, – теперь заражение начнется, а там и до гангрены недалеко.

– Не паникуй, Стас. – Положил ему руку на плечо всегда рассудительный Морда. – А если и раскровил ногу... ну, отвалится и что? Придем на базу, я тебе новую выдам, а Церетелли пришьет.

– Не пришьет. – Поддержал шутку командира Скорый. – Он только резать умеет.

Почти все вокруг тихо засмеялись. Только Паника как обычно надулся, да Баклажан, который стоял чуть в стороне от других, что-то напряженно высматривал в просвете между деревьями.

– Что? – Сразу посерьезнев, спросил у него Морда.

– Да я все этих «раскладушек» побаиваюсь, командир. – Игорь Кувакин поправил ремень от пулемета на плече. – Уж

слишком они шустрые и до фига этих штук супостатам в последнее время завезли.

Тут он был прав. Этой осенью у миротворцев появился такой поганый девайс как LMAMS «Switchblade» (Lethal Miniature Aerial Munition System). Если перевести дословно, «складной летающий нож» или «раскладушка», как мы называли эту пакость.

Это такая небольшая птичка с раскладывающимися крыльями и с боевой частью сорокамиллимитровой гранаты противопехотного гранатомета. Запускается из того же гранатомета. В рюкзаке у какого-нибудь морпеха может поместиться сразу несколько таких, а управляется с экрана обычного солдатского планшета. Если не используется для разведки, фактически одноразовая штука.

Вот сидит себе сейчас какой-нибудь товарищ километрах в сорока-пятидесяти от нас и играет на планшете с такой фиговиной, направляя ее по просекам и лесным дорогам, облетая поляны и взмывая вверх над кронами деревьев.

Почему Баклажан ее опасался? А потому что на ней установлена мини камера, запас лета у нее полтора часа и летает сука практически бесшумно. Мало того, что «раскладушка» и сама сразу уделает того, кого заметит, так еще и какого электронного хищника помощнее на группу наведет. Или вообще MLRS, если их батарея поблизости будет. Или, на крайняк, звено аппачей. Но это уже маловероятно. Вертушки миротворцы использовать опасаются. Уж больно они уяз-

вимы и дорого обходятся. Вот если кого из нас живьем взять задумают, тогда да. И то могут по земле своих охотников направить. Им спешить некуда.

Так что с этими их прибабасами нам приходится быть втрое бдительнее. Вроде ничего не видишь и не слышишь, а тебя уже пасут и даже на прицеле держат.

Нашу ячейку бог миловал с этой дрянью встретиться, а в других были потери во время недавнего налета на Пензу.

В тот день я снова много стрелял и снова не был уверен, что кого-то убил, так как мы вели огонь издалека, подобравшись к блокпосту, что на мосту через Суру возле района «Северная поляна».

Китайские товарищи хорошо поработали с базой данных по «мирняку» города и области, и теперь у нашей ячейки было по два микрочипа кого-то из недавно убитых гражданских. С этим с недавних пор проблем вообще не было. Если обычные боевые действия миротворцы вели с переменным успехом, то кибервойну они начинали проигрывать. Падали их спутники, взламывались базы данных на личный состав, противника и некомбатантов, по швам трещала система управления войсками, все чаще не слушались дроны.

Конечно, в данном конкретном случае системному аналитику в инфоцентре миротворцев не составит никакого труда вывести нас на чистую воду, но для этого нужно время, а нам его хватит с запасом. Связью мы не пользовались. Оптикой тоже. Рыскающие вокруг города колесные дроны и облета-

ющие округу беспилотники могли легко обнаружить нас по тому или другому.

После долгого марш-броска вышли к шоссе. У меня, как у самого хилого, ничего с собой не было, кроме носимого боекомплекта и запаса продуктов на два дня, и то я дышал, как загнанная лошадь. Что уж говорить об остальных, тащивших на себе фугасы.

Морда еще раз предупредил всех оставшихся, чтобы стреляли без предупреждения в любого, кто попытается нас остановить и вместе с Чемоданом и Саморезом ушел к дороге. Там они тормознули какой-то старый, раздрызганный пазик с большой цыганской семьей, высадили их всех, обождали чуток, и медленно поехали по шоссе к контрольной точке. Теперь по нему шастают только танки и бронетранспортеры миротворцев, машины с журналистами и колонны грузовиков с полицейским сопровождением. Прочим, рискнувшим сунуться на шоссе, никто не гарантирует жизни. Так что цыганам, можно сказать повезло. Их бы запросто могли грохнуть на том самом блокпосту возле моста.

Остановился выдавший виды автобус там, где был последний перед мостом поворот, и шоссе выходило на финишную прямую. Нам же предстояло не спеша добраться до реки полутора километрами севернее, изображая из себя местных, собравшихся открыть сезон подледного лова. Там метки наших гражданских двойников исчезнут, но это уже и не важно.

Шли уже налегке, поэтому я едва поспевал за товарищами.

В конце концов, седые от инея кусты расступились, и мы оказались на поляне, с которой просматривался противоположный берег, но до моста еще было минут десять ходу вдоль берега Суры.

Вот и все. Последние минуты тишины. В рейд, кроме меня, пошли одни «старики», так что настраивать никого не пришлось. Разве что меня немного колбасило, хоть и считал себя уже обстрелянным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.